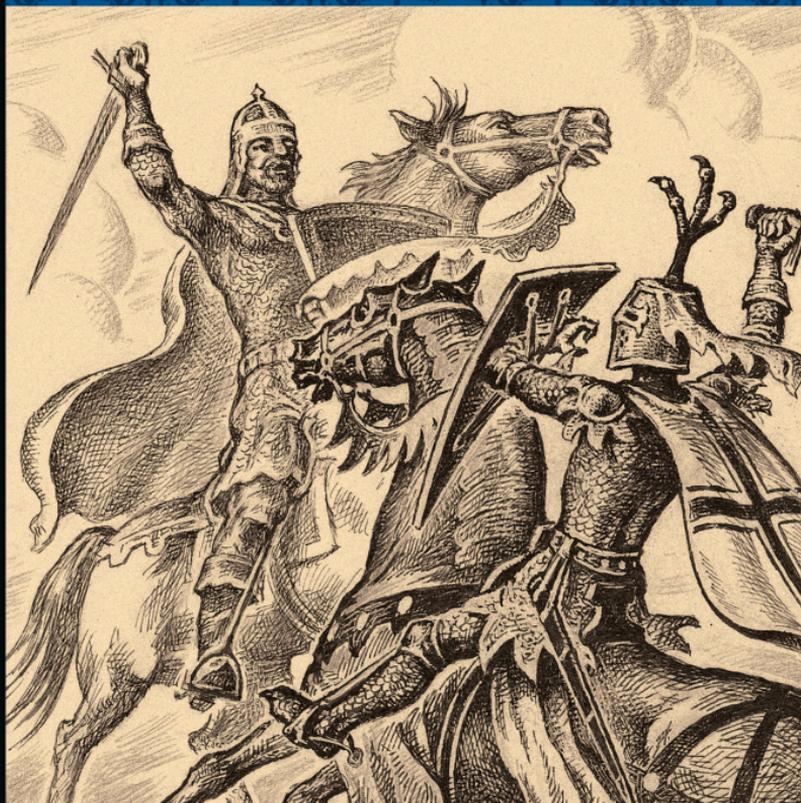

ВСЕТИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Юзеф КРАШЕВСКИЙ

КУНИГАС

Юзеф Игнаций Крашевский

Кунигас. Маслав (сборник)

Серия «Всемирная история в романах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148960

Ю. И. Крашевский. Кунигас. Маслав / [Сборник]: ООО «Издательство

«Вече»; Москва; 2018

ISBN 978-5-4484-7536-8

Аннотация

В эту книгу вошли два романа Юзефа Игнация Крашевского, одного из классиков польской литературы.

Роман «Маслав» рассказывает о событиях 1030-х годов, когда после смерти короля Мешко II в Древнепольском государстве началась смута. Сын покойного короля, Казимир, позднее прозванный Восстановителем, возвращается в разоренную страну, чтобы навести в ней порядок, но не Казимир является главным героем повествования. На первое место выходит противостояние между верными воинами покойного Мешко и бывшим королевским виночерпием Маславом, который, желая стать новым королем, захватывает поместья и крепости, но лишь одна не хочет ему покориться – Ольшовский замок.

Главной темой романа «Кунигас» стала борьба жителей Великого княжества Литовского с рыцарями Тевтонского ордена. Основой сюжета послужило реальное событие – оборона

литовской крепости Пиленай от тевтонцев в 1336 году, когда жители предпочли покончить жизнь самоубийством, но не сдаться, а в центре повествования – судьба юноши-литвина. Являясь сыном пиленского кунигаса (князя), в раннем детстве он оказался в плену у крестоносцев, но вернулся на родину...

Содержание

Об авторе	7
Маслав	11
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Юзеф Крашевский

Кунигас. Маслав

Сборник

Józef Ignacy Kraszewski

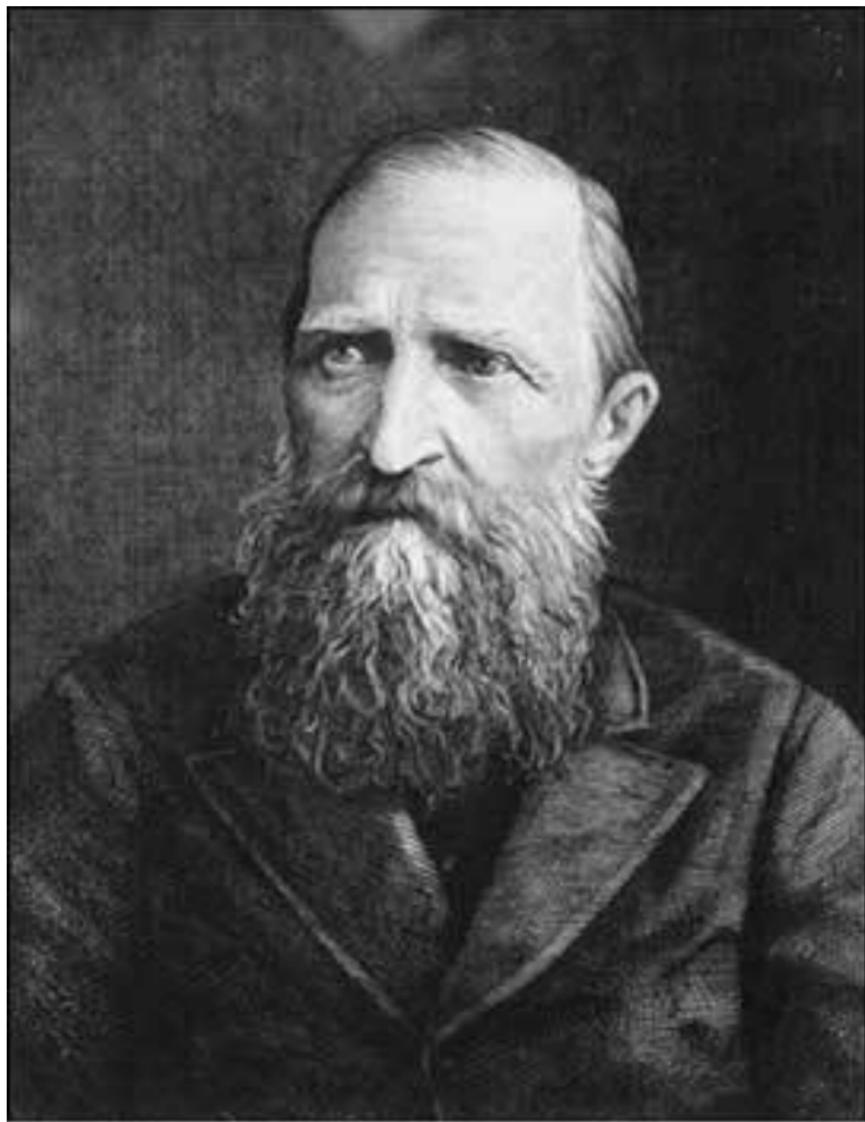
Kunigas: powieść z podań litewskich

Masław

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

Юзеф Крашевский (1812–1887)

Об авторе

Юзеф Игнацы Крашевский, выдающийся польский писатель, публицист, издатель, историк, политик, общественный деятель, родился 28 июля 1812 г. в Варшаве в дворянской семье. Интересно, что своих родителей Ю. Крашевский выведет героями своих произведений. Отец его, хорунжий Ян Крашевский, появляется в «Повести без названия» (1855), а мать, в девичестве Зофья Мальска, – в «Записках неизвестного» (1846). Юзеф был старшим из пяти детей, а младший, Каетан, тоже стал писателем.

Учился Юзеф в различных городках Подлясской земли и в 1829 г. поступил на медицинский факультет Виленского университета. Правда, учебе он предпочел литературные увлечения; его стихи печатались даже в петербургских изданиях. В декабре 1830 г., в самом начале польско-литовского восстания против царизма, Ю. Крашевский был арестован в числе группы революционно настроенных студентов. Заступничество тетки способствовало освобождению юноши под гласный полицейский надзор. Годичное пребывание в тюрьме повлияло на политические взгляды Юзефа: он стал критически относиться к вооруженной борьбе – скорее сочувствовал, но считал неэффективным средством национально-освободительного движения.

Некоторое время Крашевский жил в Вильне (современ-

ный Вильнюс), изучал историю города, что получило отражение в ряде повестей, а также в четырехтомной истории Вильны. Одновременно он занялся популяризацией истории, издавая документы и дневники. В 1838 г. Юзеф женился и поселился на Волыни вместе с женой, Зофьей Вороничувной. Супруги сменили несколько местечек в районе Луцка, долго жили в Житомире, где Юзеф Игнацы занимал последовательно несколько должностей: был куратором польских школ, директором театра, директором Дворянского клуба и пр. Супруги много путешествовали: по России, Бельгии, Франции, Италии. Однако главным для Ю. Крашевского оставались литература и издательское дело. Потом семья переселяется в Варшаву, но с началом нового восстания против царизма покидает пределы царства Польского и поселяется в австрийской Галиции. Юзеф пишет несколько повестей на повстанческую тематику, что окончательно закрывает Крашевскому дорогу на родину. Писатель живет во Львове и Кракове, занимается несколькими неудачными издательскими проектами, потом переезжает в Берлин, где его в 1883 г. арестовывают по обвинению в шпионаже в пользу Франции. Престарелый пан Юзеф снова оказывается в тюрьме, откуда его выпустили в 1885 г. под залог по причине болезни легких. Крашевский уехал в Швейцарию, потом в Сан-Ремо, вернулся в горную республику и в 1887 г. умер в Женеве.

За свою долгую жизнь Ю. И. Крашевский написал и издал

600 поэтических и прозаических томов, не считая журнальных и газетных статей и объемистой частной корреспонденции. Писателя называют автором наибольшего количества книг в польской литературе. Он написал 232 романа, в том числе 88 исторических, представляющих наибольший интерес для современного читателя. Среди последних выделяют два цикла: «Саксонская трилогия» (1873–1875) и 29 романов из «Истории Польши», выходявших с 1876 по 1889 год. В наследии Ю. Крашевского выделяются также исторические труды (например, трехтомная «Польша во времена трех разделов»), путевые дневники, книги по искусству. Известен был Крашевский также как живописец и график.

Анатолий Москвин

Избранная библиография Юзефа Крашевского

С престола в монастырь (Lubonie, 1876)

Королевские сыновья (Królewscy synowie, 1877)

Борьба за Краков. При короле Локотке (Kraków za Łoktka, 1880)

Король холопов (Król chłopów, 1881)

Белый князь (Biały książę, 1882)

Две королевы (Dwie królowe, 1884)

Инфанта (Infantka, 1884)

Изгой (Vanita, 1885)

«Саксонская трилогия»:

Графиня Козель (Hrabina Cosel, 1873)

Граф Брюль (Brühl, 1874)

Из Семилетней войны (Z siedmioletniej wojny, 1875)

Маслав

Часть первая

I

Был печальный осенний вечер; солнце, закрытое тучами, из-за которых кое-где проскальзывали слабые лучи, склонялось к закату. Весь небосклон заслоняли серые разорванные облака, сливавшиеся на горизонте в одну темную одноцветную завесу.

В воздухе можно было различить глазами ветер, срывающийся из-за туч на землю и пролетающий над верхушками деревьев, сгибая их, обламывая ветви и снова улетающая куда-то ввысь.

Земля, облаченная в траурные одежды, лишенная зелени, казалась умершей или уснувшей, а быстро пролетавшие над ней странно разорванные, причудливо очерченные облака, то расплывавшиеся, то сталкивавшиеся вместе, то и дело меняли краски, то румянясь, как бы от гнева, то становясь синими от злости. Там, где под ними угадывалось солнце, они горели желтоватым пламенем, а в местах их разрыва небо свети-

лось зеленоватыми огнями. Серые тучи, казалось, спешили на восток, чтобы там собраться вместе, как войско в бою, и двинуться вперед одной черной массой.

Но и внизу пейзаж не представлял приятного зрелища. Низкая болотистая долина была окружена черными стенами лесов. Кое-где виднелись одинокие деревья, наполовину высохшие или обгорелые, как бы в отчаянии поднимавшие кверху обнаженные ветви. Осенние ветры сорвали с них последние пожелтевшие листья.

Среди болота вилась дорога, на которой остались еще свежие следы страшного и еще недавнего прошлого, которые не успели еще смыться водой, высохнуть или зарости травой.

По этой дороге можно было угадать, что делалось здесь вчера, а может быть, еще и сегодня. Пронеслась по ней страшная буря: она была вытоптана и убита, как будто по ней прошло множество народа и целые стада животных; взрыли ее колеса, изрезали острия пик; повсюду валялись деревья, части сломанных повозок, окровавленные куски материй, клочки одежды, обрывки веревок. Видно было, что здесь стоял огромный военный лагерь или прошла какая-то громадная толпа людей. На скользкой почве кое-где отпечатались следы босых ног – детских рядом со стариковскими, человеческих рядом со звериными; а вот и человеческое тело: оно упало и тащилось по земле, оставляя за собой черные пятна застывшей крови.

То были, по-видимому, страшные следы войны, несущей

с собою смерть и опустошение.

На изъезженной дороге птицы питались остатками пищи: клевали рассыпавшееся зерно и, может быть, пили пролившуюся кровь.

Вдали, на холме, виднелись обгоревшие стены, а ниже, в долине, одиноко торчали черные балки, и разрушенные постройки указывали на остатки человеческого поселения, в котором сейчас не было ни одной души.

Над всей этой пустынной местностью господствовало глухое молчание, и только ветер, пролетая, приносил откуда-то отголоски жалобного собачьего воя. Стая ворон и воронов носилась в воздухе, то припадая к земле, то с шумом и громким карканьем устремляясь вверх и кружась над опустошенной долиной. Теперь птицы были здесь хозяевами, а лесные звери все смелее выходили из леса, собираясь заменить здесь человека. С жалобными криками летали над болотом встревоженные чайки. Старая жизнь кончилась здесь, начиналась новая.

Вглядевшись внимательнее в то место, где, судя по уцелевшим частям стен, должно было находиться человеческое жилье, можно было различить еще едва заметные струйки дыма, поднимавшегося над пожарищем: напрасно стремясь взлететь кверху, они, поднявшись немного, тяжело опускались вниз и расстилались по земле. В воздухе стоял запах обгоревшего человеческого тела.

На тропинке, ведущей к ближайшему лесному участку,

показался всадник на коне. Он медленно выехал из-за деревьев, остановился и долго-долго приглядывался и внимательно прислушивался, прежде чем решился ехать дальше.

Взгляд его блуждал по окрестностям, где не было ни одной живой души, не слышно голоса, не видно даже тени человека.

Этот всадник с темной, растрепанной бородой, мужчина средних лет, имел такой вид, как будто он только что вырвался с поля битвы: он был весь избит и окровавлен. Панцирь его был весь исцарапан ударами вражеского оружия, одежда на нем была изорвана, и во многих местах виднелось израненное и покрытое кровью тело. На непослушных темных кудрях едва держались остатки поломанного шлема, за поясом виднелась рукоятка разбитого меча; в одной руке он держал кусок сломанного копья; его броня и видневшаяся из-под нее одежда были в нескольких местах пропитаны, как будто ржавчиной покрыты, засохшей кровью.

Его конь был также избит и изранен и ступал медленно, прихрамывая и опустив голову, а если останавливался, то сейчас же принимался искать под ногами засохшую траву, а в канавах воду.

Однако, несмотря на теперешний печальный вид, можно было легко отгадать, что его всадник и его конь знали лучшие времена. Черты лица бедного беглеца дышали благородством и гордостью, а затуманенный взгляд изобличал не женственную печаль, а мужественное рыцарское страдание. И

разорванная одежда, и вооружение были когда-то дорогими и красивыми.

Осмотрев окрестность, он со вздохом сошел с коня, потрепал бедное животное по шее, взял в руку узду и, опираясь на пикку, медленно пошел по направлению к пожарищу. Раненный в ногу, в грудь и в голову, он шел не спеша и часто останавливался для отдыха. Иногда казалось, что он зашатается и упадет, что сил его не хватит на то, чтобы спасти жалкую жизнь; опершись на коня, он стоял некоторое время неподвижно, тяжело дыша, и, отдохнув, снова с усилием тащился вперед. Конь, также прихрамывая и едва двигаясь, послушно шел или, вернее, позволял вести себя, пощипывая с голоду кое-где уцелевшую траву, встречавшуюся на дороге.

Так понемногу приближались конь и всадник к холму, где на отгороженном валом пространстве торчали остатки почерневших стен.

Страшное нечеловеческое опустошение бурей пронеслось здесь, оставив после себя только кучу углей да груды развалин. Кое-где на окопах торчали обгорелые поломанные рогатки; ворота, также обгоревшие и сломанные, лежали в грязи на земле.

Незнакомец медленно прошел внутрь окопов. Должно быть, он хорошо знал это место, взглядом он искал среди развалин что-нибудь, что напомнило бы ему памятное прошлое.

В огороженном валами пространстве не уцелело ни одно-

го строения, только кое-где торчали еще обломки толстых каменных стен, устоявших среди разгрома. Но тут же рядом вся земля была изрыта, как будто в ней искали что-то. Черепки разбитой посуды, колеса, бревна, старая лежалая солома, изгрызенные белые кости покрывали почти все пространство. В стороне лежала конская падаль, полусъеденная вороньем, с обнажившимися ребрами. Перепуганные птицы взлетели было кверху с неистовым карканьем, но тотчас же снова опустились на свою добычу.

Войдя внутрь окопов, незнакомец пасмурным взглядом окинул лежавшее перед ним пространство и, оставив коня у входа, начал медленно пробираться среди обломков утвари и развалин строений к самому замку, внимательно приглядываясь и как бы ища каких-нибудь следов, по которым можно было бы установить историю этого разрушения. Но если и были следы, то их засыпали развалины, стерли обломки. Может быть, он надеялся найти трупы, но и их не было видно.

Несколько раз, приглядываясь к лежавшим на земле предметам, он поднимал какую-нибудь тряпку, обгоревший лоскут одежды и с гневом и отвращением отбрасывал его от себя. Обойдя одну грудку развалин, он подошел к самой стене замка, но и здесь были тот же беспорядок и опустошение. Только у самой стены осыпавшаяся земля как будто приоткрыла пещеру, в глубине которой не было ничего видно.

Из темной бездны кое-где только торчали концы сломанных бревен. Незнакомец, прикрыв глаза рукой, наклонился

с трудом и долго, нахмурившись, всматривался в глубину ямы.

Он уже собирался уйти с этого кладбища, когда чуткий слух его уловил среди глухой тишины какой-то слабый шум, словно отзвук человеческих шагов.

Он обернулся к выходу и прислушался.

Там никого не было видно, только конь торопливо подъедал найденную им на валах траву. Тогда он снова двинулся вперед, пробираясь среди бревен и обломков к тому месту, где были ворота замка, и в ту же минуту в них показалась человеческая фигура. Человек этот входил или, вернее, прокрадывался в ворота, но при виде коня остановился в испуге, оглядываясь по сторонам.

Рассмотрев издали вооруженного мужчину, шедшего к нему от развалин, он в первую минуту готов был обратиться в бегство, но, взглянув еще раз на воина, всплеснул руками и, пробежав несколько шагов, упал перед ним на колени.

Эго неожиданное среди руин появление вполне соответствовало всему окружающему: пожилой мужчина с обнаженной головой не имел на голом теле ничего, кроме старой, порванной сермяги, а под ней виднелись штаны из грубого полотна, подвязанные внизу к ногам тесемками. Желтое истощенное лицо с выцветшими глазами, обросшее волосами, делало его более похожим на мертвеца, вставшего из гроба, чем на живого человека. Упав на колени, он поднял руки кверху.

– Вы живы? – крикнул он.

Воин вместо ответа указал ему на свою разорванную броню, на израненное и искалеченное тело.

– Жив, – отвечал он беззвучно, – жив, но на что мне жизнь, когда все мои погибли, когда мне остались только могилы?..

И поглядел вокруг себя.

Человек, стоявший на коленях, встал и дрожащим хриплым голосом сказал:

– Я четвертый день скитаюсь по лесу, грызу траву, сосу листья, ем сухую кору и грибы, душа едва держится в теле.

– Благодарю Господа за то, – проворчал воин, – я сам не знаю, жив ли я и как жив?.. Да и на что теперь жизнь?

Человек, вставший с колен, молча подвинулся к воину и поцеловал ему руку. Так они стояли рядом не в силах вымолвить ни слова.

Потом он тихо спросил:

– Как же вы спаслись?

– Мы пытались под Шродой выдержать битву с чехами. Нас было немного, но все мужественные воины. Пали все, и меня тоже сочли за убитого, меня спасла ночь. Конь сначала ушел, потом вернулся к тому месту, где я лежал... Я почувал его дыхание над собой, когда открыл глаза. Я тоже скитался по лесам, питаюсь одной водой. А здесь – придется помирать! Да, помирать!

Он умолк и опустил голову.

– Где же люди? Почему нет трупов? Где же ваши гдечане? – спросил он потом.

– Когда пришли чехи, я был в лесу, – начал другой, – вернулся, чтобы увидеть пожарище, – незачем было возвращаться. Все население, несмотря на мольбы о пощаде, было выгнано и увезено, остались только мертвые. Город разграблен, дома ограблены.

Он бросил взгляд на долину, глубоко вздохнул и спросил несмело:

– А ваши? Ваши где, милостивый государь?

– У меня больше нет никого, – понуро отвечал первый.

И проговорив это, взял коня за узду и начал медленно пробираться к выходу из замка. Человек в серой сермяге шел за ним. У подножия замкового холма чернело огромное сплошное пожарище, на том месте, где прежде было большое селение.

Среди обгоревших развалин торчали кое-где журавли колодцев, остатки уцелевших от огня стен, столбы от ворот и колы от изгороди да высокие подпорки разрушенных строений.

В костеле уцелели только боковые стены, возведенные из гранита, крыша рухнула. Они подошли ближе и остановились у входа. В глубине алтаря валялась обгорелая костельная утварь, высокие деревянные подсвечники были сброшены с него. Вход в склеп, находившийся под зданием костела, был наполовину разрушен. Должно быть, и там искали со-

кровищ. Не пощадили никого. На одной стене висело только черное распятие, а на нем полуобнаженный Христос еще держался одной рукой. Птицы, приготовлявшиеся к ночлегу, заслышав шум, встрепенулись, вспорхнули и принялись с криком кружиться над головами.

Последние лучи солнца, проглянув сквозь тучи, осветили эту картину опустошения желтовато-красным, похожим на зарево пожара, пламенем.

Двое мужчин с тревогой приглядывались к окружающему. Всюду сохранились следы недавней жизни: около стен хат валялись домашняя посуда, разбитые ведра, брошенная пряжа, забытые детские колыбельки, камни от попорченных жерновов.

Воин и спасшийся бедняк в сермяге, постояв около костела, пошли дальше, по направлению к спаленной деревне.

Надвигалась ночь, надо было искать пристанища.

– Милостивый государь, владыка Лясота, – жалобно заговорил человек в сермяге, следуя за ним, – если бы хоть кусочек хлеба, я сразу набрался бы сил и устроил как-нибудь шалаш.

К седлу коня, которого вел Лясота, была привязана пустая сумка. Воин поискал в ней и достал кусок чего-то черного и заплесневевшего, разломал и дал просившему.

С невероятной торопливостью изголодавшийся человек схватил в обе руки пищу и с заблестевшими глазами начал грызть сухой хлеб с жадностью зверя, забыв обо всем на све-

те.

Лясота, не глядя на него, шел вперед, утомленные глаза его искали какого-нибудь убежища, но все хаты и все постройки из досок и тростника стали жертвой огня, от них остались только углы, которые легко могли упасть и не защищали даже от ветра.

Человек в сермяге съел свой хлеб до последней крошки и только тогда догнал воина. По дороге он заглядывал в колодцы, думая утолить жажду, но нечем было достать воду.

Наконец, Лясота нашел где-то с краю две уцелевшие стены под крышей; проведя коня в ближнюю отраду, он сам свалился на землю. Он уже и сюда шел так, как будто искал места, где можно было бы лечь и умереть, теперь он закрыл лицо обеими руками, прикрыл глаза и застыл в полной неподвижности.

Между тем сухой хлеб и немного воды оживили голодного, и он почувствовал себя подкрепленным и ободренным.

Это был один из обитателей разрушенного посада Гдеча, еще недавно принадлежащего к числу главнейших королевских владений, а теперь ограбленного нападшими на него чехами, которые увели с собой все население.

Человека этого звали Дембец.

У Лясоты были обширные владения под Шродой, поэтому он часто заезжал и в город, и в замок. Дембец, по профессии каретник, часто оказывал ему различные услуги; они уже давно знали друг друга. Важного магната и бедного ре-

месленника сравняла теперь общая беда. Замок Лясоты был также разорен, и он сам не знал, где преклонить голову. У Дембеца остались только обгоревшие развалины его хаты.

И теперь он направился к ней, с трудом пробираясь среди обломков разрушенных строений и, может быть, питая тайную надежду иметь что-нибудь уцелевшее от пожара. Дойдя до знакомого места, которое даже трудно было узнать теперь, он остановился, как вкопанный. На месте прежней хаты возвышалась большая куча углей.

Становилось все темнее. Дембец отер глаза, взобрался на груды развалин и стал медленно раскапывать кучу пепла и головешек поднятой на земле палкой. Под хатой был вырыт в земле прохладный погребок, в котором иногда кое-что прятали.

Ему пришло в голову, что там могли сохраниться припасы. Быть может, горсть муки, немножко круп, засохшего мяса или краюха заплесневевшего хлеба. Роясь палкой в куче, он действительно нащупал дверь погреба, уцелевшую от пожара, встал на колени и, очистив руками завалившую дверь землю и угли, начал с усилием открывать ее. Работа эта была тяжелая для его слабых сил; он прерывисто дышал, ложился на землю и снова вставал, пока наконец ему не удалось, подперев дверь колом, приподнять ее. Там, по-видимому, все оставалось нетронутым, никто не рассчитывал найти добычу в этой убогой хате. Голодный Дембец, спустившись вниз, не удержался от радостного крика, убедившись, что его кладо-

вая цела.

С беспокойной торопливостью он принялся выбрасывать из нее все, что попадалось под руку, не гнушаясь и тем, к чему раньше отнесся бы с пренебрежением и что теперь он ценил дороже золота. Но скоро он выбрался из ямы, забрал всю скудную провизию, найденную в ней, и поспешил к тому, кто только что поделился с ним куском хлеба. Он нашел его лежащим у стены в полудремоте от истощения и полумертвого от голода.

Мрак все более сгущался.

– Милостивый пан, – промолвил Дембец, склонившись к нему, – у меня есть пища, я нашел ее в своем погребке. Должно быть, ее хотели там спрятать!.. Я сейчас разведу огонь, и мы будем есть, будем есть.

Он несколько раз повторил это слово, как будто в нем была надежда на спасение. Лясота медленно поднял голову.

– Огонь развести, – пробормотал он, – огонь! Чтобы нажить себе беду! Не смей и думать об этом.

– Никто не придет сюда на огонь, – вздохнул Дембец, – взгляните, дорогой мой пан, и там, и здесь еще тлеют угли, и поднимается красный дымок! Безбожные злодеи чехи ушли прочь, кругом пусто, надо спасать свою жизнь. Иначе мы умрем с голода. – Лясота снова закрыл лицо руками и не отвечал ничего. Его мучила жажда еще сильнее, чем голод, а жажда эта происходила от голода и от лихорадки.

Не обращая внимания на запрещение, каретник принял-

ся разводить огонь. На пожарище нетрудно было раздобыть тлеющую головню. Из своей хаты он вынес какой-то горшок, найденный им в погребке. Он собирался уже приготовить ужин, когда Лясота попросил его достать воды.

И вот при помощи этого единственного, какой у них был, черепка и длинного шеста, найденного на пожарище, Дембец достал в колодце воды и принес ее Лясоте. Схватив горшок обеими руками, старик выпил всю воду до последней капли.

Каретник достал воды снова и принялся было за приготовление ужина, как вдруг порыв ветра принес с собой явственный звук топота конских копыт.

Забыв о своей слабости, Лясота сорвался с места, крича Дембецу, чтоб тот гасил огонь. Костер был тотчас же погашен.

Мрачное небо еще увеличивало густую тьму ночи. И только в том месте, где только что зашло солнце, небо еще светило, и, всматриваясь в ту сторону, беглецы заметили на большой дороге, проходившей посредине селения, тени двух всадников, медленно подвигавшихся к ним.

В отблеске вечерней зари они казались двумя призраками, хотя издали невозможно было рассмотреть их.

Лясота и Дембец приглядывались с любопытством и беспокойством. Лясота скоро узнал в них таких же, как он сам, бездомных беглецов, вырвавшихся ночью из мест чешских погромов и побоищ.

Они были вооружены, потому что над головами их торча-

ли острия копий, которые они держали в руках, и ехали на статных конях. Султаны шлемов развевались над их головами. Но разве можно было поручиться, что это не были чехи, искавшие добычи среди этого разгрома и опустошения?

Всадники остановились перед сожженным костелом... Ветер стих, и можно было различить отдельные слова, которыми они обменивались между собой.

– Собачьи дети!

– Звери дикие! Дьявольское племя!

После таких проклятий не оставалось сомнения в том, что это были свои. Лясота сложил руки у рта трубой и закричал им, напрягая силы.

При этом звуке всадники в первое мгновение повернули коней, собираясь обратиться в бегство, но потом остановились и стали приглядываться.

– Свои! – закричал Лясота. – Подъезжайте сюда к нам!

Дембец, который еще раньше Лясоты признал в них своих, встал с земли и поспешил к ним навстречу.

Вместе все как-то безопаснее.

При виде этой фигуры, выступившей из мрака, всадники остановились, собираясь защищаться или обратиться в бегство, но каретник приблизился к ним, узнал соседей и стал звать их по имени...

Это были два брата Доливы, соседи Лясоты по имению: Вшебор и Мшшуй.

Утомившись блуждать в лесу без пищи и питья после того,

как владения их были преданы разгрому и огню, они теперь, узнав Дембеца, охотно сошли с коней и пошли за ним к тому месту, куда он их вел.

Обрадованный каретник шел вперед и кричал Лясоте:
– Это наши соседи из Доливян: Вшебор и Мшщуй.

Лясота с усилием приподнялся, опираясь на руку, а каретник опять принялся разводить огонь.

Никто не приветствовал друг друга, потому что не с чем было приветствовать. Разве со спасением жалкой жизни, с которой теперь не знали что делать. Шляхтичи обменялись только печальными взглядами.

Когда огонь разгорелся, младший из братьев Долив, рассматривая порванную одежду с кровавыми пятнами на ней и исхудавшее лицо Лясоты, не мог удержаться от проклятий врагам.

– Вот до чего мы дожили! – крикнул он. – Вот что случилось с нашей землей! Будь проклят тот день и час, когда нами стали править Мешко и Рыкса!

Дембец взял их коней под уздцы и отвел их в соседнюю ограду, где они могли найти немного травы. Все сели на землю. И из всех уст по очереди полились жалобы на судьбу.

– Познань, – начал Мшщуй, – тоже вся разгромлена. Чего не успела увезти немка Рыкса, то забрали чехи. Она ушла к своим, к немцам, а за нею должен был идти и сын Казимир. Нет у нас князя, границы стоят без охраны, в стране – безначалие, бери всякий кто что хочет. Разорили чехи и Гнезь-

но, ограбили костел, забрали все сокровища, а наших братьев погнали перед собой, как скот. Села выжжены, и куда ни взглянешь, пустыня!

– Погибло Болеславово королевство, – прибавил Вшебор, – перебито наше рыцарство; все с нами воюют, потому что у нас безначалие. Нет у нас головы!

– Только и остается нам умереть, чтобы не дожить до конца, – сказал Лясота.

– Чехи – чехами и немцы – немцами, – сказал Мшщуй, – но и наш собственный народ разоряет костелы, возвращается в язычество, наша жизнь висит на волоске! Ходят толпами и призывают по-старому Ладо, а если повстречают какого-нибудь магната, ругаются над ним и прибывают его к кресту.

– Что тут делать? Остается одно – умирать, – проговорил Лясота.

Но Мшщуй отрицательно покачал головой.

– У кого есть силы, пусть идет за Вислу к Маславу, там, говорят, еще спокойно, у него сила большая. Что делать? Присоединиться к сильным, а иначе погибнем все, – говорил Вшебор. – Мы вот тоже не знаем, идти ли к нему, чтобы спасти свою жизнь?

– К Маславу? – слабым голосом переспросил Лясота. – Что ты выдумал? Это человек бесчестный, беспокойный, он – причина всех наших бед.

Мшщуй пожал плечами.

– Да, это правда, но теперь для нас всякий хорош, кто по-

может нам спастись.

– Лучше умереть! – пробурчал старик.

Так перебрасывались они отрывочными фразами, пока Дембец не прервал их беседы вопросом: не голоден ли кто-нибудь из них.

– А кто же теперь не голоден? – вскричал Мшщуй.

– Что у меня есть, тем я поделюсь и с вами, – сказал каретник. – Правда, всего понемногу, только бы голод заморить.

И с этими словами он начал раскладывать перед ними копченое мясо и крупу, спаренную в черепках посуды, найденной им на пожарище. Ужин был плохой, но проголодавшимся людям он показался вкуснейшей пищей на свете, и они были ему бесконечно благодарны.

– Пусть Бог тебе заплатит за нас, – говорили они ему.

– Заплатите лучше вы сами, – отвечал Дембец. – Вы здесь не останетесь, пойдете куда-нибудь дальше, возьмите и меня с собой, а то я здесь погибну. Вероятно, завтра перед рассветом вы двинетесь к лесу, позвольте же и мне пойти за вами. Я поделюсь с вами своими запасами.

– Кто же из нас может сказать, что будет завтра? – сказал Лясота.

– Надо идти в лес и за Вислу, – прибавил Мшщуй, – больше нечего нам делать. Маслав принимает всех.

– И не говорите мне этого, постыдитесь даже думать об этом! – прервал его старый Лясота. – Кто не знал Маслава, крестьянского сына при дворе Мешка? Неизвестно, откуда

и как выскочил этот паршивец из хлева, лизал панам пятки, всячески угодничал и добился того, что стал подчашим¹, а потом сохранил Мешку жизнь, королеву выгнали своими заговорами и государя своего Казимира тоже вынудили удалиться. Это все его штуки!

– Ну, конечно, его, – сказал Мшщуй, – я тоже его не люблю и не защищаю, знаю, что он собачий сын... А кто теперь власть имеет? У кого сила? Приходится или голову заложить, или идти к нему на службу.

– Да, что делать! – вмешался Дембец, стоявший поодаль от всех. – Приходится служить кому попало, хоть бы рыжему псу, только бы не оставаться без власти.

Все умолкли, опустив головы; Лясота, отдохнув немного и успокоившись, с усилием поднялся, чтобы осмотреть свое израненное тело и разорванную одежду. В нем виден был человек, много выстрадавший в жизни и научившийся спокойно переносить страдания: почти без стона, смело, спокойно он начал раздеваться, отдирая от тела пропитанную засохшей кровью одежду. Тогда из ран выступила свежая кровь, и он, разрывая на куски белье, стал прикладывать эти куски к израненному и исколотому телу. Все смотрели на него с почтительным удивлением. Все-таки это было доказательством того, что он желал вернуться к жизни и искать какого-нибудь выхода. Все молча ждали, когда старик окончит свое дело: надо было сообща договориться, что делать даль-

¹ Подчаший – придворная должность, королевский виночерпий.

ше, где укрыться и куда направиться.

В то время во всей стране не осталось почти ни одного уголка, который бы не подвергся разбойничьему набегу чехов, поморов или пруссаков. Особенно тяжелым было положение богатых помещиков, духовенства и рыцарства, которые при Мешке Первом и Болеславе приняли христианство. Ни один костел, ни один монастырь не был пощажён грабителями, ни одно кладбище не избежало осквернения. Почти все капелланы пали от руки убийц, и великое дело обращения в христианство, совершенное при помощи христианских народов, было уничтожено. Это было отчасти на руку немцам, которые приобретали таким образом право обращения мечом, завоевания и захвата верховной власти над вновь отстроенным костелом.

Русь и венгры, со своей стороны, ждали только удобного момента, чтобы вырвать у Польши земли, завоеванные Болеславом. Чешский Бжезислав мечтал даже о завоевании всего Польского королевства и о присоединении его к своим владениям. И это великое дело он начал с ограбления Кракова, Гнезны и Познани и опустошения всех областей, которыми он хотел править.

Когда Лясота, перевязав свои раны, снова лег на землю, а Дембец уселся в сторонке, братья Доливы, переглянувшись между собой, продолжали прерванный разговор.

– Как же вы думаете? – заговорил Мшщуй. – Что нам делать? Говорите вы первый, мы хотим послушать старшего.

Лясота поднял голову, как бы для того, чтобы убедиться, что эта речь относилась к нему.

– Вы меня спрашиваете, – сказал он. – Да разве я сам знаю, что надо делать? Я знаю, чего не надо делать. Я не пойду за Вислу к Маславу, потому что стыд и срам – кланяться сыну батрака после того, как человек служил помазанным королям. Мы все держались всегда вместе с нашими государями: были верны вдове Мешка, потом сыну его, Казимиру... И теперь мы пойдем к тому, кто их от нас отнял? А если бы мы и пошли к нему, то разве для того, чтобы он снял с нас головы: ведь кормить нас он не будет.

Братья Доливы не возражали ему.

– Может быть, вы не знаете Маслава так, как я его знаю, – прибавил Лясота. – Я помню, как он рос при дворе и был сначала мальчишкой при псарне, потом носил полотенца и кувшины, приручал соколов, наливал мед и понемногу вкрадывался в доверие и милость, дошел постепенно до цепи на шее и рыцарского пояса, стал доверенным и советчиком. Но и этого было мало его ненасытному честолюбию. По смерти Мешка он задумал жениться на королеве и стать королем, а Казимира извести. Но мудрая государыня отвергла его и окружила себя своими. Тогда стал ее же ругать за то, что она не хочет думать о пользе страны и нас всех, и так ее преследовал, что она, забрав с собой все драгоценности, уехала к своим на Рейн. Остался Казимир, которого взял в свою опеку Маслав с намерением погубить его. И тот должен был бе-

жать. Маслав легко от него отделался. А мы остались без государя и вместо него попали в лапы к волку. Страну нашу грабят и разоряют чужие люди. Ну, скажите, разве все это не его рук дело? Мы все отступились от изменника, а он тогда сделался язычником, чтобы расположить к себе чернь. И все язычники, сколько их там есть, пруссаки и поморы, все с ним. Что же мы там будем делать? Мы, крещенные и верующие в Иисуса Христа? Тела не спасем, а душу погубим.

Так говорил старик Лясота, а братья Доливы молчали.

– Да разве правда все, что говорят, – медленно заговорил наконец Мшщуй, – может ли быть, что он сделался язычником? Разве для видимости только, потому что я не верю, чтобы он им был взаправду.

Тут Дембец, сидевший поодаль, громко сказал:

– О, милостивый государь! Это всем видно, что он с язычниками заодно. Из земли вырыл старые жертвенники, везде расставил камни и столбы, как они стояли раньше, языческие обряды справляются по-прежнему среди бела дня, не скрываясь. Ни одному ксендзу не дают пощады, где только увидят, сейчас же расправляются. Маслав говорит, что с ксендзами пришла неволя.

– Да, дурной человек Маслав, – сказал Вшебор, – но как же спастись и где укрыться? В Чехии тоже ждут нас цепи и стрелы, Русь далеко, да и кто знает, как бы нас там приняли? А скитаться по лесам и умирать с голода – нет, лучше повеситься на первом суку.

Костер, около которого они сидели, погас; Дембец подбросил еще несколько головешек и снова развел его.

– Что делать? Что делать? – горестно повторили они.

– Маслава я знаю, – отозвался Мшщуй после некоторого молчания, – мы служили с ним вместе при дворе и были очень дружны. Это человек смелый до бешенства, дерзкий до безумия, ему мерещится корона, потому что еще смолоду ему предсказала какая-то гадалка, что он пойдет высоко. Правда и то, что он не пощадил бы никого из нас, если бы ему это понадобилось для чего-нибудь, но что пользы ему в нашей гибели?

Они еще разговаривали, когда во мраке послышался какой-то шелест. На три шага не было ничего видно; все в испуге вскочили и стали внимательно прислушиваться; один только Лясота остался неподвижен; сначала всем показалось, что это кони шарахнулись в сторону, увидав какого-нибудь зверя.

Но в это время ветер раздул пламя от костра, и оно осветило часть пожарища и какую-то фигуру.

Старый человек придерживался исхудавшей рукой за выступ уцелевшей стены, и достаточно было взглянуть на него, чтобы избавиться от всякого страха и узнать в нем несчастную жертву, скрывавшуюся где-то среди развалин и пришедшую на звук голосов.

Это был старик в потертой и загрязнившейся черной одежде, очень бледный и истощенный. Шея у него была

длинная, худая, костистая, голова – коротко остриженная. Он горбился от старости, а страшная худоба едва позволяла ему держаться на ногах. Сухие губы его были раскрыты, глаза сохранили выражение испуга и недоумения, жизнь в нем едва теплилась.

Он поглядывал на сидевших, как бы отыскивая среди них знакомые лица, но, видно, язык не слушался его. Вдруг Мшщуй вскочил на ноги и подбежал к нему, крича:

– Это вы, отец Ян, это вы?

Старик качнул головой: голод и жажда лишили его сил и не позволили вымолвить ни слова; придерживаясь за выступ стены, он не решался приблизиться, чтобы не упасть, и дрожал всем телом. Долива, подбежав к нему, подал ему руку и повел к огню.

Это был известный всем настоятель городского костела. Он три дня скрывался в костельном склепе, питаясь крошками хлеба и утоляя жажду водой, по каплям стекавшей со стен. Услышав голоса людей и узнав своих, он собрал последние силы и вышел из своего убежища, в котором готовился уже к смерти.

Из всего своего имущества он сохранил самое драгоценное – книжку с молитвами, которую держал в руках, прижимая к груди.

Дембец поспешил на помощь старику: его поместили около огня; каретник принес ему воды, а Лясота отдал ему свой зачерствевший хлеб. Со слезами на глазах отец Ян благода-

рил судьбу и их, но еще долго от него нельзя было добиться ничего, кроме отрывочных фраз. Ужас и боль не за себя, а за участь костела и своих овечек лишили его голоса.

Но, отдохнув хорошенько и подкрепившись водой и пищей, он набрался сил и начал говорить, как будто в лихорадке, все повышая и повышая голос.

– Смотрел я на вашу гибель, – говорил он, – и, если бы прожил еще несколько веков, глаза мои никогда не забудут этого страшного зрелища! Как буря, налетели на нас грабители за грехи наши. Город не мог защищаться, со всех окрестностей сбегались люди в замок, рук было больше, чем надо, а оружия – мало, и больше всего – страха. Кроме нашего воеводы и жупана прибежали люди от Шроды, сбежалась шляхта из ближних поместий. Было так тесно, что нечем было дышать в окопах.

Я остался при костеле, мне нельзя было оставлять его. Я облачился в священнические одежды и взял в руки крест, ведь все же они были христиане, хоть и враги наши!

Никто и не думал сопротивляться, потому что некому было защитить нас, выслали навстречу к ним старшину Прокопа с просьбой о помиловании и с изъявлением покорности.

Но не помогли наши униженные мольбы. Весь народ был уведен в неволю, город – разрушен и разграблен. То был судный день гнева Господня. Меня на пороге костела чернь схватила за волосы, бросила на землю и топтала ногами.

Но воля Божья направила этих людей искать сокровищ в

сакристини, а я успел в это время укрыться между гробницами за каменными плитами.

Разбойники пришли и туда, проходили около меня, чуть не задевали меня одеждой, а я каждую минуту ждал, что они схватят меня и потянут на смерть, но Бог ослепил их. Они разбили гробы, вытащили оттуда трупы, а меня оставили. Я слышал, как над головой моей пылал костел, слышал, как падали бревна, как рухнула крыша, и обгоревшие части ее, провалившись в раскрытые двери склепа, упали почти у самых моих ног.

Я остался невредим! Для чего Богу угодно было продлить мою жизнь, я не знаю, – прибавил старец и, помолчав немного, продолжал: – Если для чего-нибудь была сохранена моя жизнь, то, верно, для того, чтобы я услышал ваш ропот и жалобы и принес вам утешение. С могилы, на которой я стою, глаза мои видят ясно. Не тревожьтесь о том, что крест упал и вернулось язычество, не думайте бить поклоны Маславу. Как проносятся вихрь и буря, так пройдет и гнев Божий: ветви обломаются, но стволы останутся целы и снова зазеленеют весной. Но плакать и роптать, ломать в отчаянии руки и падать на землю – не ваше дело, вам надо собираться вместе и защищаться. Плачут женщины, мужчины – борются. Бог поможет мужественным, если они вознесут к нему сердца. Разве уж погибло все наше рыцарство, что завоевывало земли с Болеславом?

Разве осталась только чернь, которая и тысячами не

страшна, если одно сердце станет за тысячу?

Вы теперь все порознь идете, но если соберетесь вместе и возьмете в руки крест, – победа будет за вами. Напуганная чернь бросится в леса, а изменники понесут головы под меч и в петлю. Кланяться Маславу, – с жаром говорил старец, – это то же, что отречься от Бога и святого креста. Бог даст злым временное торжество, но не дает им власти. Ступайте, собирайтесь вместе, советуйтесь и выбирайте себе князя. С вами будет Бог.

Мне жаль костела, но глаза мои видят, как он скоро поднимется, как зазвучат в нем гимны в честь и славу Господа Бога! Не падайте духом, имейте веру в Бога! Бог вас спасет.

Говоря это, старец чувствовал все большую и большую слабость; дрожащею рукою он благословил на все четыре стороны слушателей, склонивших перед ним головы, и умолк, опускаясь на землю. Прибежал Дембец с охапкой соломы, которую он приготовил было для себя: на ней он уложил ослабевшего ксендза, который сложил руки на груди и сомкнул веки, как бы засыпая.

Все молчали; огонь потухал, и остальные тоже готовились ко сну.

Небо понемногу очищалось от туч; среди разорванных облаков мигали кое-где бледные звезды. Затихал ветер, и тишина, все реже прерываемая шумом в воздухе, распространилась над долиной, погруженной во мрак. И только узкая полоска неба еще светилась отблеском вечерней зари.

Вдохновенные слова старца оживили сердце надеждой; все думали о том, что предпринять завтра, и, хотя не высказывали вслух свои предположения, – мыслили все одинаково. Надо было искать своих и соединиться вместе, не теряя надежды на лучшее.

Новая тяжесть упала на трех всадников: им надо было забрать с собой ослабевшего старца, которого они не могли обречь на голодную смерть или на поругание врагам. Младшие еще могли идти пешком, но Дембец, который тоже собирался идти с ними, не мог ходить быстро, да и кони, ослабевшие от голода, не годились для торопливой езды. Об этом думали все, не смея высказать своих мыслей, и, сидя у потухавшего огня, впадали понемногу в дремоту.

Отец Ян, утомившись, очевидно, заснул крепко – не слышно было даже дыхания.

Лясота тоже, видимо, не очень заботился о своей судьбе и равнодушно ждал, что будет дальше. Так прошла ночь.

Уже рассветало, когда братья Доливы начали совещаться между собой, в какую сторону направиться. Они уже не говорили о Маславе, но намеревались лесами пробраться к Висле, чтобы укрыться где-нибудь в Мазурской земле, потому что там чернь еще не поднялась.

День занимался, когда петухи, каким-то чудом уцелевшие на пожарище, прокричали приветствие утренней заре, объявляя опустевшей земле о начале нового дня. Услышав этот крик, все встрепенулись. Он так напомнил им лучшие вре-

мена в спокойных усадьбах! А единственный обитатель опустевшего поселения, не заботясь о том, что его окружало, испустил, может быть, в последний раз громкий крик – призывая к жизни смерть и пепел, и крик этот прозвучал в одно и то же время, как страшное издевательство и как напоминание. Объятые различными чувствами – одни тревогой, другие – бодростью, все начали подниматься с земли, словно пристыженные этим бдительным сторожем.

– И мы, пока живы, должны так созывать друг друга! – вскричал Лясота, сиюсь подняться.

– В дорогу!

II

Тихая и спокойная ночь сменилась пасмурным утром, ветер, словно разбуженный, снова, как вчера, погнал облака. Сначала пронеслись маленькие румяные посланники зари, а за ними потянулась целая вереница серых, сливавшихся в огромные клубки, изрезанные по краям, и вот все небо затянулось как будто печальной полотняной пеленой, а по ней клубились и свивались все новые громады туч. Ветер принялся подметать и землю, опрокидывая кое-где обуглившиеся части строений; они падали на пепелище, а дым и смрад неслись вверх и распространялись далеко вокруг.

Холодный западный ветер принудил всех подняться с земли. Надо было позаботиться о более удобном убежище.

В этой гдецкой болотистой, отовсюду открытой низине, всякое нападение грозило опасностью; негде было укрыться, нельзя защищаться. Гораздо выгоднее было схорониться в ближних лесах.

Первыми встали братья Доливы, которым надо было попоить коней.

Дембец тоже приготавливался разложить костер, чтобы подкрепить теплой пищей хотя бы раненого Лясоту и закостеневшего от холода старца. Мшщуй, встав с места, хотел прикрыть своим плащом отца Яна, но, наклонившись над ним, заметил, что лицо его было мертвенно-бледно, и, приложив руку к его голове, убедился, что капеллан был мертв. Он, должно быть, умер спокойно, точно с молитвой на устах, руки его были сложены вместе на книжке, которую он вынес из костела. Эта книжка была единственным наследством, оставшимся после него.

Мшщуй не был ни удивлен, ни огорчен этой смертью: для отца Яна она была благодеянием, для путников освобождением от тяжести, с которой они не знали, как справиться. Переговорив с братом и убедившись окончательно, что отец Ян умер и совершенно закостенел, Мшщуй занялся прежде всего погребением старца. Нельзя же было оставить труп на съедение диким зверям и воронам; на общем совете решено было похоронить его в костельном склепе, из которого он вчера вышел к ним.

Дембец предлагал им свою помощь в этом богоугодном

деле, но братья послали его присмотреть за конями, а сами, подняв труп за голову и ноги, в молчании отправились на рассвете к развалинам костела, находившегося неподалеку оттуда.

Здесь, как бы готовясь принять бранные останки капеллана, ждал его раскрытый дубовый гроб, из которого грабители вытащили мертвеца... В этот гроб братья благоговейно опустили отца Яна и прикрыли его на вечное отдохновение тяжелой крышкой. Потом, задвинув каменной плитой, закрывавшей раньше вход в гробницу, отверстие под землей, вернулись к сожженной хате. Лясота, давно уже проснувшийся, смотрел с каким-то каменным равнодушием на все, что происходило вокруг него; так смотрят люди, перенесшие большое горе: он не скорбел о чужой смерти и не побоялся бы своей собственной.

Дембец, стоя на коленях, варил что-то в горшке, кони были напоены, и хотя не нашли обильной пищи в наполовину выжженных оградах, все же выглядели бодрее, чем накануне.

Утро, сначала пасмурное, начинало светлеть, когда братья Доливы собрались двинуться в путь. Лясота еще лежал, подперев голову рукою.

– Отец, – обратился Мшщуй к старику, который, по-видимому, и не думал о путешествии, – нам надо ехать, и вы должны ехать с нами.

Лясота покачал головой.

– Дайте мне спокойно умереть, – произнес он едва слышным голосом. – К чему столько мучиться только для того, чтобы спасти жизнь, которая ни на что уж не нужна. Если бы я мог владеть руками!

– Но мы вас здесь не оставим! – вскричал Мшщуй.

– Ксендзу Господь закрыл глаза, Он поможет и мне умереть здесь, – сказал старик.

– Видно, Бог не хочет этого, если спас вам жизнь, – прибавил другой брат.

Доливы не захотели предоставить старика его участи и, почти силою подняв его, посадили на коня, у которого раны уже присохли. Дембец деятельно помогал им. Все двинулись в путь, оставляя за собой сгоревший поселок, которому уж никогда, видно, не суждено было достигнуть прежнего богатства и значения. Проезжая мимо селения, все еще раз оглянулись назад, созерцая странную картину разрушения.

Гдечь был в то время ярким образом всей Польши, сожженной и разрушенной, разграбленной и пустой, а вдобавок не имевшей верховного вождя. И болело сердце у тех, кто видел ее еще недавно полной жизни и веселья, залитой шумной толпой, сновавшей по всем улицам, – с богатыми усадьбами, с костелами, в которых раздавались звуки гимнов. Теперь город молчал, как огромное кладбище, вороны носились над развалинами, ища недогвивших еще трупов, а обезумевшая чернь уничтожала все, что еще уцелело после погрома.

В мрачном молчании путники проехали мимо разрушенного замка и направились по дороге к лесу.

Окрестности были совершенно безлюдны, все, кому удалось спастись от чехов, скрывались в лесах. И наши путники почувствовали себя в сравнительной безопасности, когда очутились среди деревьев. Здесь нелегко было выбрать дорогу, хотя все хорошо знали местность. Самая большая тропинка была неудобна для беглецов, потому что на ней легко могли встретиться с вооруженными отрядами или с чехами, бродившими по всей стране.

Вооруженная чернь не давала пощады рыцарям, а чехи брали в неволю. Следовательно, они должны были свернуть с главной дороги и ехать прямо лесом, а Мшщуй, который любил охотиться, уверял, что он сумеет вывести всех к Висле, руководясь корою деревьев. Не было иного пути, как только ехать за Вислу, хотя в спокойствие, которое будто бы там царствовало, никто не верил, никто не мог поручиться за безопасность, а четверо беглецов, из которых один был беззащитен, а другой изранен и истощен голодом, не могли обороняться даже против небольшой кучки людей.

Вся пища, которую они имели, заключалась в мешке, который нес на плечах Дембец, а братья Доливы везли остатки в своих торбах, привешенных к седлам, а всего этого могло хватить ненадолго. Осталась только надежда на провидение.

В лесной чаще осень еще не произвела таких опустошений, как на опушке: здесь уцелело много листьев, травы и

зелени, и ветер был не так силен. Проехав лесную опушку и вступив в чащу, путники поехали медленнее, внимательно прислушиваясь и чувствуя себя в безопасности. Впереди ехал Мшщуй, показывая дорогу, за его конем шел Дембец, за ним, опустив поводья, похожий на живого мертвеца, тащился на коне Лясота, а Вшебор замыкал шествие.

Раза два или три у них из-под ног выскочил зверь, но никто не соблазнился им; гнаться за ним было невозможно, а бросить в него копьем – не попадешь. И только несколько часов спустя Мшщую удалось удачно попасть копьем в молоденькую серну, выбежавшую из лесу и в испуге остановившуюся перед ними, Дембец побежал за нею и догнал раненое животное. Это была хорошая добыча, и, добравшись до полянки, чтобы дать корм и отдых коням, они могли изжарить себе мяса, которого уже давно не ели.

В лесной чаще ничто не обнаруживало присутствия людей, всюду царило молчание, и хотя Мшщуй для безопасности прислушивался, лежа ухом к земле, он не услышал ничего, что могло бы пробудить опасение. Переждав, пока кони вволю наелись хорошей травы, напились воды из ручья и освежились, путники двинулись дальше.

Дорога шла почти все время бором, самой его чащей, в том направлении, где, по уверениям Мшщуя, который уже высчитал дни и часы, когда они достигнут цели, протекала Висла. Никто не оспаривал его, потому что он лучше других знал эти места и имел вид человека, уверенного в себе.

Лясота был ко всему равнодушен, он послушно следовал за другими, ни о чем не спрашивая и почти не замечая окружающего. Делал то, что ему говорили, и, как бы лишившись собственной воли, позволял поить и кормить себя, но сам ничего не просил. Спутники его заботились о нем, не удивляясь его состоянию; они знали, что он потерял семью, и видели, что и в нем самом оставалось уже немного жизни.

День уже клонился к вечеру, когда Мшщуй, медленно ехавший впереди и зорко вглядывавшийся вдаль, чтобы вовремя заметить опасность, дал знак остальным, чтобы они остановились. Всадники сдержали коней и насторожились. Мшщуй, сойдя со своего коня, пошел, наклонившись, вперед, а потом пополз на животе.

Сквозь ветви деревьев, с которых уже облетела часть листьев, на лужайке, у подножия дуба, виднелось что-то, чего нельзя было хорошенько рассмотреть. Как будто белело платье, обнаруживавшее присутствие людей. Мшщуй тихонько подкрался к самому стволу старого дерева, но тут, огледевшись хорошенько, смело встал на ноги.

Ехавшие за ним догадались, что бояться нечего. Он кивнул и им, чтобы подъезжали ближе.

Зрелище, которое открылось перед ними, поразило всех, но возбудило в них не страх, а жалость. У подножия сидела с распущенными волосами прелестная девушка лет пятнадцати. Но этот свежий цветочек уже согнулся под дуновением какого-то резкого ветра; на бледном личике рисовалось глу-

бокое страдание. Подняв глаза к небу, она сидела так, неподвижная, как статуя. Из голубых глаз медленно текли струйки слез, текли и засыхали на лице, и только две крупные, как жемчужины, слезы блестели, не высыхая. Руки ее были подложены под голову и опирались на дерево, а на коленях у нее лежала другая женщина, покрытая какой-то одеждой, так что головы ее не было видно, спящая, больная или просто усталая. Около двух женщин валялись на земле брошенные узелки, платья, корзина с пищей и мелкая утварь.

Они были одни – никого вблизи не было видно. Их одежда обнаруживала знатных женщин из рода жупанов или владык. На младшей верхняя одежда была обшита мехом, старшая была закрыта платьем из тяжелой драгоценной парчи. На шее девушки блестела золотая цепочка с украшениями, в ушах были серьги, а на белых руках, закинутых за голову, сверкали перстни.

Мшщуй, первый увидевший ее, стоял, как вкопанный. Он никогда в жизни не видел более красивой девушки; она казалась ему королевою или зачарованным лесным духом. А женщины точно окаменели: не видели и не слышали приближения людей и оставались по-прежнему неподвижными. Мшщуй догадался, что женщина, лежавшая на коленях у девушки, вероятно, спала, а та боялась малейшим движением нарушить ее сон.

И только тогда, когда кони подошли ближе и послышались их фырканье и топот копыт, девочка с криком рвану-

лась с места и стала будить спавшую... С испуга потеряв всякую способность соображать, она не знала, что делать, потому что старшая женщина, проснувшись, не сразу пришла в себя.

Но когда она поднялась, то оказалась уже немолодой, но еще свежей и красивой женщиной, с прекрасными чертами лица, с черными бровями и глазами, смотревшими гордо и повелительно. Густые темные брови двумя полукруглыми дугами выделялись над веками, прикрывавшими большие пламенные глаза. В них была тревога, но и гнев в то же время. Девушка, гораздо более испугавшаяся, старалась схватить ее за руку, увлечь за собой, но в это время показался Мшщуй и поспешил крикнуть им, что им нечего бояться.

При звуках этого голоса, убедившись, что это были свои, женщины, хотя еще не решались оторваться друг от друга, все же заметно успокоились. Старшая встала, гордо выпрямилась, прикрылась плащом, который закрывал ее во время сна, и принялась довольно смело приглядываться к Доливе. Младшая спряталась за ее спину и скорее инстинктивно, чем сознательно, стала собирать длинные пряди рассыпавшихся волос, покрывавших ее плечи, как бы золотистым плащом.

Мшщуй, которому часто приходилось бывать при княжеском дворе и в усадьбах окрестной шляхты, не мог припомнить, кто могли быть эти две женщины; между тем наружность их была такова, что их невозможно было забыть тому, кто хоть раз их видел. Расцветающая красота девушки

невольню приковывала внимание и уже навеки запечатлевалась в памяти. Но и старшая женщина была поразительно красива и интересна и выражением лица, и манерами, обличавшими в ней чужеземку. У нее и цвет лица был более смуглый, чем у польских женщин, а на верхней губе виднелся черный пушок. Крепкая, высокая, полная, она имела вид и манеры королевы, а взгляд ее обнаруживал привычку властвовать.

Хотя сама эта встреча в чаще леса и испуг младшей из женщин свидетельствовали о том, что они находились в отчаянном положении, одни, всеми покинутые и преследуемые дикой чернью, которая не щадила ни костелов, ни женщин, однако несмотря на это в выражении лица старшей не было заметно особенной тревоги. Только черные дугообразные брови сдвинулись над глазами, и две морщины прорезали лоб. Она долго приглядывалась к Мшщую, ожидая, чтобы он заговорил первый.

– Не бойтесь, милостивая пани, – сказал новоприбывший, – мы не разбойники, мы сами уходим от разбойников. Вот здесь нас двое братьев Долив, а это – Лясота из-под Шроды, а тот – служащий человек из замка. Мы едем из разоренного края, от Гдеча, где уж не осталось ни одной живой души.

Пока Мшщуй говорил это, женщина не спускала с него внимательного взгляда и потом с таким же вниманием стала присматриваться к подъехавшим спутникам Мшщую; из-

за ее плеча выглядывало встревоженное бледное личико девушки, кутавшейся в материнский плащ.

При виде этих одиноких, беззащитных женщин в чаще леса все остановились, глядя на них с глубоким сожалением. Бороться со всякого рода несчастьями – мужское дело, но когда беспомощной и бессильной женщине приходится стать лицом к лицу с разнузданной чернью, когда гибнет девушка во цвете лет, тогда сжимается болью самое равнодушное сердце.

Объятые глубокой жалостью, подъехавшие мужчины молча смотрели на женщин: и даже Лясота, который вспомнил свою семью, шире раскрыл угасавшие глаза и задвигался на своем коне.

– Благодарение Всевышнему за то, что Он привел вас сюда, – заговорила старшая женщина, – благодарение Господу! Вот уже третий день как мы сидим здесь одни, плача и дрожа. Последний слуга, который был с нами, пошел разузнать, что делается в окрестностях, и еще не вернулся. На нашу усадьбу, Понец, напали жестокие полчища – целая масса людей... Мы с дочкой едва-едва успели спастись, захватив с собою старого слугу. Но и тот ушел и не вернулся, а нас здесь ждет голодная смерть или звериная пасть... Бог один ведает, что случилось с домом и с мужем!..

Прикрыла рукой глаза, из которых брызнули слезы, и умолкла.

Все спешили и приблизились к ним. Молодая девушка,

все еще не отделавшаяся от страха, пряталась за мать. Имя мужа этой женщины было известно рыцарям: сама она происходила из русских земель, родилась от матери-гречанки, а замуж вышла за могущественного владыку Леливу. Звали ее Мартой.

При Болеславе Великом, когда отношения с Русью были тесные и отличались большим дружелюбием, князья-жупаны часто женились на русинках, а иногда русины выбирали себе жен при дворе короля или в шляхетских усадьбах.

Никто из рыцарей не знал Марты Леливы и ее дочери и никогда в жизни не встречался с ними. Но мужа ее, Спицимира, или Спытека, как его называли, недавно поселившегося в усадьбе Понец, видали не раз и Лясота, и братья Доливы. Это был уже пожилой человек, рыцарь в полном смысле этого слова, беззаветно храбрый, прославившийся своими смелыми походами. Страшно было даже подумать о том, что с ним могло случиться, но всем было одинаково ясно, что если в момент нападения он был дома, то скорее отдал бы жизнь, чем спасся бегством. Он мог устроить побег жены и дочери, но сам, наверное, выдержал нападение.

Но, не желая напрасными словами увеличивать горе женщины, никто не спрашивал о нем; она сама, ломая руки, начала рассказывать о нем, потому что, как все женщины, перенесшие тяжелое горе, она не могла уже больше сдерживаться и должна была говорить о себе.

– Бог один ведает, что случилось с моим любимым мужем, –

говорила она. – Он хотел биться со своими людьми до последней крайности, но разве мыслимо, чтобы он мог хотя бы с боем прорваться сквозь ту толпу, что его окружила со всех сторон?

Тут обе женщины принялись плакать. Тогда Лясота, не проронивший до сих пор ни слова, подошел к ним и показал им свою растерзанную одежду и окровавленное тело, кое-как перевязанное тряпками, на которых проступали пятна крови.

– Теперь уже не надо роптать, а надо благодарить Бога тем, в ком еще есть кровь, – сказал он. – Мои все погибли. Я спасся только чудом. Кого Бог осиротил, тот должен покориться судьбе, оплакав погибших. Благодарите Бога, что вас не изрезала в куски чернь, которая озлилась на всех рыцарей, жупанов и владык и решила уничтожить наше племя во всех землях. Я знавал Спытека и думаю, что не посрамил себя и сражался до конца. Да и нам, мне и многим еще уцелевшим, немного уже осталось жить. Знаете ли вы, милостивая пани, что из тех панов, что укрылись в Гдече, не спаслась ни одна живая душа? Кто остался жив, того увели в неволю.

Женщины снова заплакали, громко причитая и ропща на судьбу, все остальные молчали, не было слов, которыми можно было бы утешить их. Между тем наступил вечер и решено было расположиться здесь на ночлег, чтобы не оставлять женщин одних, а те не могли двинуться дальше в ожидании слуг. Но кто знал, суждено ли им дождаться их?

Хотя положение беглецов было настолько серьезно и опасно, что как будто и не время было думать о женской красоте и поддаваться ее обаянию, но братья Доливы, оба молодые, не женатые и горячие сердцем, увидев дочку Спытека, сразу влюбились в нее и не могли налюбоваться ею.

Девушка, видя, как они следили за ней взглядами, пряталась за мать, но это плохо помогало, потому что братья под предлогом различных мелких услуг старались подойти к ним поближе, чтобы хоть посмотреть на нее и полюбоваться красотой. Правда, оба лагеря были на известном расстоянии один от другого, и женщины отошли в сторонку, но молодые люди без труда находили предлоги, чтобы подойти к ним.

Слуга Спытеков, которого она ждала с вестями от мужа, не возвращался; и становилось все более вероятным, что его или схватили где-нибудь по дороге, или он заблудился в лесу, или стал жертвой дикого зверя, хотя был очень толковый человек, чувствовавший себя в лесу, как дома.

Для Долива ясно было только то, что нельзя было оставить в таком состоянии этих несчастных женщин. У них не было лишних коней, и маленький их отряд, увеличенный ими, должен был еще медленнее продвигаться в сторону Вислы, и опасность этого путешествия еще усиливалась. Но никто не жаловался на это. Обоим братьям улыбалась совместная поездка с дочерью Спытека, в которую оба они сразу влюбились.

К ночи, когда возвращение слуги становилось все более

сомнительным, начали советовать о том, что делать утром, потому что недостаток в пище не позволял откладывать выступление в путь. Спыткова со слезами начала умолять не оставлять их на произвол судьбы. На это отозвался старый Лясота, снова обретший дар речи:

– Об этом никто не думает. Но и с нами вам не будет спокойнее и удобнее, потому что мы и сами не можем защитить себя и пробираемся крадучись, чтобы ни с кем не встречаться.

– А куда же вы направляетесь? – спросила Спыткова.

– Мы?.. Да к Висле, – отвечал старик. – Но одно дело – идти нам одним, а другое – брать с собою женщин. Доливы вели нас к Висле, где, говорят, еще спокойно на мазурских землях; там этот негодяй Маслав держит народ в железных руках. Но мы знать его не хотим и тем более не должны показывать ему женщин, потому что у него тоже нет ничего святого; он упился, как медом, своей силой. Вот мы и бредем на Вислу, а куда – Бог один ведает...

Долго никто не возражал ему.

– Эх! – отозвался наконец Мшщуй. – Не вечно же все будет так, как теперь. Все придет в порядок; наши соберутся вместе, а мы пока построим шалаши и переждем безвременье.

– А голод? – опустив голову, промолвил Лясота.

– Ну, этого нам нечего бояться, – улыбаясь, отвечали братья Доливы, – что-нибудь придумаем... В конце концов, что

у нас осталось? Мы должны позаботиться о самих себе и спасти свою жизнь!

Старик ничего не отвечал на это, женщины перешептывались между собой, и, не придя ни к какому решению, все умолкли.

Была уже ночь, когда среди лесной тишины послышались звуки, перепугавшие всех, особенно женщин. Все явственно услышали шелест среди кустов. Мшщуй и Вшебор бросились к коням и оружию. Теперь уже можно было различить чьи-то шаги, а скоро из чащи леса показался, внимательно осматриваясь, человек, опиравшийся на палку и имевший за поясом топор и дротик. Это и был слуга, посланный Спытковой на разведку о муже.

Женщины, узнав его, бросились к нему с вопросами, но, взглядевшись в него внимательнее, приостановились, выжидая.

Он шел или, вернее, брел, едва передвигая ноги от усталости, а по страшно исхудавшему и пасмурному лицу нетрудно было отгадать, что вести, принесенные им, никого не могли утешить.

Приблизившись к огню, он остановился, опираясь на посох и жалостливо поглядывая на свою госпожу, как бы приготавливая ее к тому, что ей не о чем было и спрашивать. И Спыткова не решалась спрашивать, предпочитая продлить минуты неизвестности, чем услышать известие, которое она угадывала сердцем. Тогда старый Собек, не выдержав взгля-

да своих господ, потерял все свое мужество и заплакал. Зловещее молчание – предвестник надвигающейся бури, воцарилось около костра. Первым заговорил Лясота:

– Спытек погиб? А что случилось с усадьбой?

Собек, покрутив рукой в воздухе, указал ей на землю.

– Я смотрел издали, как дымилось наше гнездо, – сказал он, – его уж нет больше, и никого нет в нем, ничего не осталось... Раненый Жугва, дотащившийся с пожарища до лесу, где я и нашел его умирающим, сказал мне только то, что пан наш уложил целую гору трупов, пока добрались до него, и погиб рыцарской смертью. Злодеи рассекли его на куски.

Женщины, услышав это, с громкими рыданиями упали на землю, но никто не посмел удерживать их от слез! А Собек, не прибавив больше ни слова, повалился тут же, где стоял, у огня, потому что ноги отнялись у него от изнеможения. Доливы и Лясота отошли в сторону, оставив плачущих оплакивать свое горе и печальную судьбу и советуясь между собой о том, что предпринять дальше.

Теперь их отряд увеличивался тремя пешими людьми, потому что и Собек ведь должен был присоединиться к ним. Братья согласились на том, чтобы посадить женщин на лошадей, а самим идти пешком. Лясоту нельзя было лишить его старой исхудавшей клячи, потому что он не мог идти. Но такой способ путешествия значительно усложнял дело.

Два брата отошли в сторону посоветоваться между собой, и хотя в решении своем оба были единодушны, но тем не

менее поглядывали друг на друга так, как будто собирались кусаться, и взгляды, которыми они обменивались, были полны недоверия. А всему виной была девушка, на которую зарились оба, и потому пытливо заглядывали в глаза друг другу; Мшщуй подозревал Вшебора, а Вшебор – Мшщуя.

– Я дам моего коня девушке, – сказал Мшщуй, подбоченившись, – и сам пойду рядом с нею, чтобы он не испугался чего-нибудь и не споткнулся.

– Почему ты, а не я? – насмешливо заметил Вшебор. – Ведь и я это могу сделать.

– А почему же непременно тебе должна достаться девушка? – сердито оборвал другой.

Они обменялись неприязненными взглядами.

– Потому что девушка мне нравится! – засмеялся Вшебор.

– И мне тоже, – возразил Мшщуй.

– Ну и мне!

– И мне!

Они начали перебрасываться резкими словами, измеряя друг друга такими взглядами, как будто собирались вызвать на бой.

Ни один не желал уступать.

А так как оба были пылкого нрава и легко раздражались, то и теперь, казалось, готова была разразиться буря. Но, к счастью, им стало стыдно перед людьми и перед самими собой.

– Ну, послушай, – сказал Вшебор, понизив голос, – не вре-

мя нам драться из-за чужой девки, бросим все это. Прежде надо спасти ее и мать, а потом уж решать, чья она будет. Пусть Спыткова и дочка сами выберут себе коня, а мы оба пойдем за ними.

Мшщуй кивнул головой.

– Только ты не воображай, – прибавил он, – что я тебе так легко уступлю ее. Ты знаешь, что со мной шутки плохи.

– Да и со мной тоже... Мы знаем друг друга.

– Ну, разумеется... Да и нечего тут спорить. Никто не может взять девушку силой.

Вшебор презрительно усмехнулся.

– Почему? – спросил он. – Женщин чаще всего берут силой.

– Ну силой так силой, – пробормотал другой.

И снова чуть-чуть не поссорились. Еще хорошо, что вся их ссора происходила в стороне, так что никто не мог их подсмотреть и подслушать. Они замолчали на время, но, расходясь, затаили в душе гнев и неприязнь друг к другу.

Ночью надо было, кое-как сложив шалаши, затушить огонь, чтобы он не выдал их, а одному, по очереди, стоять на страже. По счастью, еще хмурое осеннее небо в тот день не разлилось дождем по земле.

С рассветом стали готовиться в путь. Вчерашнее соревнование началось снова, но без слов пока. Оба брата спешили подать коней женщинам, беспокоясь о том, какого выберет себе девушка. И, торопя друг друга, они обменивались го-

рящими взглядами, и никто в этом споре не думал уступить другому.

Уж были связаны узлы и мешки, которые должен был захватить с собой Собек, мать и дочь оделись и ждали, когда все двинутся в путь. В это время перед ними появились братья Доливы со своими конями. Марта Спыткова поблагодарила и выбрала себе коня Вшебора, потому что этот конь был крепче и сильнее, а она хотела посадить дочку позади себя, чтобы не расставаться с нею в пути, но тут вмешался Мшщуй и заявил, что кони их ослабели, а путь предвиделся долгий и нельзя было ехать вдвоем на одном коне.

Девушка стояла в нерешительности, не желая расставаться с матерью, да и матери не хотелось отпустить ее от себя. Они уже готовы были идти пешком. Доливы все еще стояли перед ними, мешкать было невозможно.

– Милостивая пани, – сказал Мшщуй, – теперь некогда раздумывать. Садитесь вы на одну лошадь, а девушка – на другую, мы пойдем рядом с вами, и она будет у вас на глазах.

Но девушка жалась к матери, и Спыткова не могла решиться. Лясота, которому помогли сесть на коня, заметил:

– Что тут торговаться, когда надо спасать жизнь!

Тогда мать, обняв дочку и шепнув ей что-то на ухо, села на коня Вшебора, а Каю предоставила Мшщую, который бросил брату презрительный и насмешливый взгляд.

Девушку звали Катериной – по имени одной из наиболее уважаемых в то время святых.

Итак, с Божьей помощью, все двинулись в путь лесными тропинками – так что ехать приходилось гуськом, и девушка очутилась за матерью, но она так закуталась и закрылась, что Мшщуй не видел даже ее глаз.

Проходя мимо брата, Вшебор шепнул ему на ухо:

– Не надейся, что ты долго будешь наслаждаться с нею, я возьму ее потом себе.

– Ну, увидим, – сказал Мшщуй.

– Увидим...

– Посмотрим.

Маленький караван нарочно выбирал самые глухие тропинки, по которым не ступала еще нога человеческая. Лес тянулся непрерывно и, как льстил себя надеждой Долива, должен был вывести их к Висле; в то время вся страна представляла из себя одинокий огромный лес, только местами вырубленный и расчищенный.

Куда бы ни пошел человек – ближе или дальше, везде перед ним был лес, а если и попадались иногда поляна или луг, то за ней сразу же снова начинался бор. Так ехали они долго, но вдруг лес начал редеть с юга, и Мшщуй, забежав в испуге вперед, увидел перед собой широкую, плоскую, открытую со всех сторон равнину.

Правда, за этой равниной расстилались густые леса, но так далеко, что при медленном передвижении потребовался бы целый день, чтобы доехать туда. Как раз в той стороне и должна была протекать та Висла, за которой они хотели

укрыться. Надо было хорошенько обдумать положение, чтобы не стоять долго на виду среди поредевшего леса.

Собек предложил, оставив узлы и мешки, тихонько подползти вперед, чтобы рассмотреть местность.

Дым, в различных местах поднимавшийся над землею, свидетельствовал о том, что долина эта не была совершенно опустошена.

Собек влез на дерево и увидел вдали сожженный замок, полуразрушенные стены костела, но, что хуже всего, ему показалось, что он видит огромный лагерь конных и пеших людей, несколько больших костров, около которых паслись стада, лежал рогатый скот и кони и возвышались кучи каких-то сваленных вместе предметов.

Он догадывался, что они, по несчастью, набрали на один из тех караванов, которые, переходя от селения к селению, грабили и разоряли усадьбы, замки, монастыри и костелы, равняя их с землей.

Была ли это окрестная чернь, пруссаки или Маславово войско – об этом трудно было догадаться, но для беглецов это было одинаково плохо.

Женщины встревожились и хотели было сейчас же возвращаться назад, в лесную чашу, хотя лагерь был расположен на большом расстоянии от того места, где они находились; все сошлись на том, чтобы взять влево и пробираться в ту сторону, где виднелись леса, и этими лесами обойти долину.

Собек, который был смелее других, советовал переждать

в лесу, пока он проберется вперед и все разузнает.

Хотя Лясота отговаривал его от этого намерения и женщины боялись лишиться слуги, но для путешественников было очень полезно узнать, что делалось в той стороне, куда они направлялись.

Спор продолжался недолго; Собек был так уверен в себе и выражал такую готовность отправиться на разведку, что пришлось ему уступить. Человек бывалый, он знал, что и как ему надо говорить, кем прикинуться перед разными людьми, и надеялся, что в толпе черни никто не обратит на него внимания. Крестьянская одежда и простой говор давали ему возможность пробраться, не возбудив подозрения.

Лагерь был расположен на значительном расстоянии от опушки леса, и Собек должен был прокрадываться так, чтобы никто не заметил, что он вышел из лесу.

Долину пересекал ручей, по берегам которого росли густые вербы и лозняк. Собек до самого берега этого ручья полз по земле через весь луг.

Очутившись среди кустов и осторожно пробираясь среди них, он мог подойти к самому лагерю и, никем не замеченный, появился в нем, как будто шел от стада, пасшегося над водой.

С ловкостью дикого человека, которым так же, как зверем, руководил инстинкт и опыт, Собек вошел в лозняк. Издали только зоркий глаз охотника мог бы заметить слегка колыхавшиеся ветви там, где он, осторожно пробираясь, задевал

их. Но он избегал и этого и, где только было можно, держался около самой воды.

Это осторожное передвижение над речонкой заняло у него довольно много времени; наконец он услышал ржание коней, рев скота и шум и говор людской толпы. Он был уже около самого обоза. Ловкий и смелый, Собек спрятал свой топор в лозах, а сам вышел из них, неся в руках пук наломанных ветвей; идя по дороге, он изгибал их и переплетал между собой.

Никто даже не оглянулся на него, и он, с лозами под мышкой, вошел в стадо рассыпавшихся по лугу коней.

Отсюда он уже хорошо разглядел, что перед ним было не войско, не чехи и не пруссаки, а просто толпа разнузданной черни, бродившей с кольями и дубинами от усадьбы к усадьбе.

Со смехом и криками они делили награбленную добычу.

В центре лагеря лежали связанные женщины и подростки, взятые в неволю.

Немного поодаль валялись выброшенные из лагеря трупы, а около них с ворчанием бегали собаки. Грабители не сооружали ни палаток, ни шалашей и спали под открытым небом на голой земле.

Повсюду виднелись громадные костры, а на них жарились бараны и зарезанный скот. Тут же стояли раскрытые бочки, из которых каждый черпал, сколько хотел. На земле кучами лежало награбленное в костелах и усадьбах богатство.

В различных местах лагеря возвышались изображения языческих богов. Старых было недостаточно, поэтому наде-
дали новых, грубо и неумело вытесанных из дерева.

Раздались языческие вызывающие песни, толпа была пья-
на, но пела с жаром.

Собек стоял так, среди стада коней, не зная, на что ре-
шиться; идти ли дальше или возвращаться, когда к нему по-
дошел подвыпивший работник, который с бичом в руке при-
сматривал за стадом, и стал внимательно присматриваться.
Старик, нимало не перетрусив, продолжал плести ветви, в
свою очередь, приглядываясь к нему.

– Плохой корм! – забормотал он, чтобы начать разговор.

– Да, для коней, – сказал Собек, – но для нас всего вдо-
воль. Что же ты голоден, что ли? – смеясь, прибавил он.

– Я-то нет, да мне скотину жаль.

– Э, что с нею станется! Ведь она нам даром досталась,
ты сгонял ее по усадьбам, что ж за беда, если какая-нибудь
и подойдет. Надо же и воронам чем-нибудь питаться, – спо-
койно говорил Собек.

– Ну, ну, – пробурчал работник, – пора бы уж бросить
все это... В окрестностях не осталось ни одной усадьбы, ни
одного монастыря или хоть костелишка, а я уж стосковался
по хате.

– Что же ты в ней оставил? – спросил Собек. – Девку, что
ли?

– Да, может, еще и не одну, – возразил работник. – Я не

бобыль, могу их взять.

Он повернул голову по направлению к лагерю.

– Вон там их сколько! Как старшины повыберут себе, нам останутся только бабы!

– А вы вернетесь к своей, оно и лучше будет. Там никто ее, верно, не обидел, если все ушли, – говорил Собек.

– Да, да, – забормотал работник, – может быть, все, а может быть, и не все.

Он зевнул и одновременно вздохнул, а потом ни с того ни с сего так хлопнул бичом, что кони шарахнулись в сторону, а пастух рассмеялся.

– Ну, уж теперь, верно, вернемся, видно, дальше делать нечего, когда ничего уж не осталось, – заметил Собек. – И я уж скучаю без хаты.

– Да, как же, так тебе и вернулись! – сказал пастух. – Осталось еще Ольшово. Там в замке заперлись магнаты, а у них сокровища большие и девок тьма, и никак их не взять! Вот мы и должны выкурить барсуков из норы!

– Это что еще за Ольшово, я не слыхал? – возразил старик.

– Потому что ты старый и глухой! – смеялся пастух. – А где же ты был, когда мы туда ходили?

– Я? – сказал Собек. – Да я же пас коров, я ничего не знаю.

– Там они много наших положили, мы должны были уйти, но мы их возьмем!

Проговорив это, пастух принялся свистать и как будто потерял охоту к дальнейшему разговору.

Собек тоже никак не мог справиться со своей работой, ло-за не гнулась, а ломалась, и он, ругаясь и проклиная, заявил, что пойдет искать лучших прутьев. Никто не обращал на него внимания. Он снова пошел в кусты над речкой. Скрылся в них весь, постоял, прислушался, притаившись, нашел спрятанный топор, засунул его за пояс и, заметив, что пастух опять улегся на землю, пустился в обратный путь, с прежней осторожностью пробираясь между кустами по направлению к лесу.

Смелая вылазка окончилась благополучно, потому что никто не обратил на него внимания.

Все ускоряя шаги, он дошел так до лесной опушки и, выбравшись ползком из кустов, добежал, никем не замеченный, до чащи леса.

Здесь по следам конских копыт на влажной земле он добрался до того места, где с нетерпением ожидали его остальные путники, со страхом думая о том, удастся ли ему что-нибудь разузнать. Спыткова уверяла, что он такой опытный и ловкий человек, какого нет больше на свете, поэтому и покойный муж выбрал его в провожатые ей и дочери. Собек вернулся раньше даже, чем его ожидали. Завидев его издали, все окружили его с расспросами.

– Ну что же вы там видели? Что это за люди? – спросила Спыткова.

– Да все та же чернь, которая была и у нас в Понце, – сказал Собек. – Я не только видел их собственными глазами, но

даже разговаривал с их пастухом. Пожалуй, скоро уж они, разделивши добычу, разбредутся по своим хатам, – для них уж ничего не осталось, кроме одного только Ольшовского замка. Там заперлись вельможные паны и убили у них немало людей; они думают взять их голодом, потому что иначе никак не могут.

– Ну, ну, – прервал его Лясота, – этого уж они не дождутся. В Ольшове сидит старый Белина, он уж ко всему ранее приготовился и не дастся им в руки, хоть бы пришлось и год продержаться. Я Белину знаю. Люди смеялись над ним, что он, живя в безопасном месте, так всегда укреплялся, вооружался, окапывался и собирал запасы хлеба, как будто готовился к осаде. Видно, он один знал, что делал.

– При Болеславе все думали, что уж всякая опасность миновала; он один только не верил в обращение и пророчил, что когда-нибудь язычники разрушат костелы, а нас всех – христиан – вырежут.

– Он один только и знал и ведал, что должно было случиться, – со вздохом прибавил Лясота.

– А почему же бы нам, милостивый пан, – заговорил Собек, кланяясь ему в ноги, – вместо того, чтобы ехать за Вислу, до которой так трудно добраться, не направиться в Ольшовский замок? Я бы нашел туда дорогу!

Все помолчали.

– А ты разве хорошо знаешь дорогу? – спросил Лясота.

– Да уж провел бы вас, – поглаживая себя по голове и по-

качивая ею, отвечал старик.

– Да примут ли нас там? – прибавил старший Долива.

– Ну, как же они могут не принять? – возразил Лясота. – Мы с ними одного рода. Они – мне близкая родня. Белина никогда еще не отказывал в гостеприимстве христианину и рыцарю.

– Да ведь мы не съедим его! – прибавила Спыткова, которая схватилась за эту мысль, как за якорь спасения.

Не возражали и братья Доливы, да и никто не оспаривал этой счастливой мысли – все дело было только в том, каким способом и с какой стороны добраться до Белины. По словам Собека, до Ольшова было полтора или два дня дороги, и надо было подходить к замку осторожно, потому что хоть чернь и отступила от него, но кругом стояли часовые и стража и легко можно было попасть в их руки.

Мшщуй напомнил об этом, а Лясота одобрил план действий. По всей вероятности, чернь не отказалась от мысли овладеть Ольшовым и потому оставила там хоть небольшой отряд.

И на этот раз Собек с готовностью вызвался пойти на разведку. Этого человека – узнав его хорошенько, – невозможно было не полюбить: он никогда не обнаруживал утомления, вечно готов был услужить своим панам, ел мало и спал немного, спрошенный о совете, давал его охотно, но, если его не спрашивали, мог молчать хоть полдня и никому не надоедал. Еще до наступления вечера путники ради безопас-

ности углубились в лес, и Мшшуй тут же уступил Собеку свою роль провожатого.

Весь следующий день можно было употребить не спеша на переезд в Ольшовский замок. И женщины повеселели, ободренные надеждой очутиться вскоре среди своих и не ночевать под открытым небом в лесной чаще, где всегда можно было ожидать нападения Маславовых отрядов и пленения.

III

До рассвета, в пасмурную погоду, пустились в путь. Еще ночью зачастил спокойный осенний дождь, похожий на густую мглу. По уверению Собека, такие дожди предвещали долгое ненастье. Лесные тропинки размокли и стали скользкими, промокли вскоре и путники, а женщины, хоть и кутались во что только могли, чтобы защититься от холода и сырости, продрогли и тоже вымокли.

Спыткова утешала себя разговором с провожатыми, но как только разговор смолкал, тяжелые мысли овладевали ею, и она с трудом удерживалась от слез.

Мшшуй и вчера, и сегодня старался не отлучаться от девушки, ведя под уздцы ее коня и отстраняя ветви, чтобы они не ударили ее. Но Кася избегала даже глядеть на него, а дождь позволял ей так кутаться, что даже глаз ее не было видно.

Старшая пани охотно разговаривала с шедшим около нее

Вшебором, изливая на него свои бесконечные жалобы.

А так как тот, кто хочет приобрести расположение дочери, должен понравиться и матери, то Вшебор не тратил времени даром и то, что терял у дочери, старался выиграть у матери. И в душе своей посмеивался над Мшщущем. Мшщущий и без того был сильно не в духе; уже несколько раз на свои вопросы Касе он не дождался от нее ответа.

Девушка была скромна, боязлива и поразительно молчалива, как будто не сознавала своей молодости. Может быть, впрочем, так повлияли на нее душевная боль и испуг. Долива не мог допытаться от нее ни слова, если же она шептала что-то в ответ, то так быстро и тихо, что ничего нельзя было разобрать.

Зато мать говорила за двоих. Вшебор мог узнать от нее не только все, что ему было нужно, но и ненужное. Марта Спыткова рассказала ему про свою молодость, проведенную на Руси, про первое сватовство, свадьбу, отъезд в Польшу, про жизнь свою с мужем и все свои и его приключения до самых последних событий, и не раз, а несколько раз, все с новыми добавлениями, рассказала она ему всю историю своей жизни. При этом она то плакала, то смеялась, вспоминая что-нибудь веселое и забывая о печальном, потом опять плакала и опять смеялась, поблескивая черными глазами, как будто чувствуя себя молодой.

Рассказывала о себе, о муже, о всех своих поклонниках, которые готовы были влюбиться в нее, если бы только она

позволила, и обо всем, что только приходило ей на память. Эти разговоры, видимо, были ей необходимы, потому что, если не было при ней Доливы, она подзывала Собека, обращалась к дочери и только на короткое время умолкала.

Этим способом она, вероятно, боролась со своим горем, потому что, как только она переставала говорить, слезы текли из ее глаз. Вшебор не давал ей длинных реплик, достаточно было одного слова, чтобы нескончаемая повесть потянулась снова.

За один день он так подружился с матерью Каси, как будто бы они уже давно были знакомы.

А так как в то время люди были искреннее, чем теперь, то он мог смело навести разговор на дочку и, осыпав ее похвалами, дал матери понять, что она ему очень приглянулась.

– Ну, да ведь она еще ребенок, совсем еще незрелая и слабая, – недовольно возразила Спыткова, – ее еще рано отдавать мужчине. Ей бы еще забавляться с голубями да песенки петь. Хозяину мало было бы от нее толку, какая она хозяйка! Да где там! Ей еще далеко до этого.

И она покачивала головой.

Вшебор не настаивал, может быть, даже радуясь в душе, что Спыткова не имела намерения поскорее сбыть дочку.

Положение Мшщуя было гораздо хуже – он прямо мучился.

Кася ему не отвечала, поэтому он сам, чтобы позабавить ее, рассказывал все, что приходило в голову. Иногда она при-

открывала лицо, чтобы взглянуть на мать или поправить платок, и тогда Мшщуй видел голубой глазок, часть белой шейки или румяной щечки, из-под платка выбивались колечки золотых волос, но она крепче куталась в платок, а перед Мшщуем снова были только складки покрывала, по которому стекал дождь. И так печален был этот взгляд молоденькой, балованной девушки, столько было в нем еще неулегшегося страха и страдания!

Старый Лясота по-прежнему молчал всю дорогу. Дембец с Собеком, быстро подружившиеся между собой, шли впереди и тихонько разговаривали. Они сошлись так легко и так хорошо понимали друг друга, как будто долго ели похлебку из одной миски. Смелая вылазка Собека внушила Дембецу такое почтение к товарищу, что он стал относиться к нему, как к отцу или начальнику, и исполнял все его приказания. Собек зорко следил за тем, чтобы в пути не натолкнуться на людей и не встретиться с бродягами, поэтому он избегал лесных дорог, а шел прямо по лесу.

Все удивлялись его зоркости, тонкости слуха и остроте обоняния, позволявшим ему различать малейший свет, стук или запах. Если в воздухе чувствовался запах гари, то он уже наверное знал, где горит, – и далеко ли или близко, и что именно – дерево, мокрые листья или прогнившее дупло. Втягивая носом воздух, он узнавал, близко ли вода, нет ли где поля, и издалека, по одному виду мог отличить лес от бора. Он первый замечал, если что-нибудь мелькало в чаще,

и безошибочно узнавал, зверь это или птица, самый незначительный шум, незаметный для других, тотчас же улавливало его чуткое ухо. Иногда в кустах раздавался шелест или хлопанье птичьих крыльев, а он, не поднимая даже головы, определял, что перебежало через дорогу и что взлетело вверх. След на земле был для него как бы открытой книгой, в которой он спокойно читал. Он замечал все: и сломанную ветку, и брошенную подстилку, и луг, объединенный скотом, и замутившуюся воду.

Благодаря этому у них всегда была пища: он указывал Доливам, где искать зверя и какого именно, а в речке сам, без всякого сачка, руками ловил рыбу. При всем своем спокойствии он никогда не оставался без дела: собирал по дороге грибы и ягоды, прислушивался, приглядывался и все это делал с таким видом, как будто это не стоило ему ни малейшего усилия.

А Доливы, положившись на его опытность, уже не вмешивались и не давали ему советов, а следовали его указаниям, потому что он никогда не ошибался.

Так они подвигались понемногу в глубь леса, но, несмотря на все предосторожности, все же несколько раз в продолжение дня испытали тревогу.

Посреди леса Собек почуял запах гари, но уверял, что костер, наверное, уже потух и остался только дым, кутившийся над отсыревшими головнями. Присматриваясь внимательнее, он заметил кучу наломанного и сложенного вместе хво-

роста, очевидно, приготовленного человеческой рукой для постройки шалаша. Осторожно приблизившись, они нашли спящего человека, который, внезапно пробудившись, сделал движение, чтобы вырваться и убежать. Но Дембец и Собек бросились на него и повалили его на землю, боясь, как бы он не донес о них врагам.

Собек едва не размозил ему голову топором, но вовремя сообразил, что это просто беглец, скрывающийся в лесу, а вовсе не член разбойничьей шайки, грабящей города и села. На него было просто страшно глядеть, хотя он был молод и силен, – так он страшно исхудал без пищи, питаясь только водой, листьями и кореньями. Голодная лихорадка сделала его полубезумным и отняла силы. Глаза его сверкали таким страшным пламенем, как будто у него все горело внутри.

Когда путники, оправившись от испуга, поняли, с кем имеют дело, они почувствовали жалость к несчастному. Его подняли с земли, а когда подъехали остальные, Спыткова дала ему кусок черствого хлеба, на который он набросился, не помня себя, и ел его, не видя и не слыша того, что происходило вокруг.

В первую минуту от него ничего нельзя было добиться. Он жадно ел и понемногу успокаивался после испуга внезапного пробуждения от горячечного сна.

Лясота, всегда с особенной жалостью относившийся к таким же несчастным, как он сам, пристально всматривался в худое, почерневшее лицо беглеца. В изменившихся чертах

его он уловил что-то знакомое, как будто где-то им виденное.

Беглец взглянул на него, и из его уст вырвалось первое слово:

– Лясота!

– Боже милосердный! Да ведь это Богдан Топорчик! – крикнул старик, всплеснув руками. – Что же ты делаешь здесь, в лесу? Ведь ты же был вместе с Казимиром, и мы думали, что ты ушел с ним за границу к немцам, потому что ты был всегда при нем. Королевич любил тебя и не должен был тебя оставлять.

Только теперь развязался язык у Топорчика.

– Он и не оставил меня, – сказал он, – это добрый и богобоязненный государь, только люди нехорошо и нечестно поступили с ним! Я случайно отстал от его двора, раньше, чем он уехал к матери. Потом уже не к кому было ехать, и невозможно было догнать его. Разразилась буря, и вот что случилось со мной.

Невольный стон вырвался из груди Богдана при этих словах. Все, стоя подле него, смотрели на него с глубоким сочувствием. И вот маленький караван увеличился еще одним бедняком, а пока его накормили и сговорились между собой, как быть дальше, наступил вечер.

Ольшовское городище было уже недалеко; надо было решить теперь же, ехать ли дальше или переждать до следующего вечера и с наступлением мрака подойти к замку.

Спыткова, беспокойная и усталая, настаивала на том, что-

бы ехать сейчас же, другие колебались. Бросить Богдася Топорчика на произвол судьбы было немыслимо, и всем невольно пришла в голову одна и та же мысль – что чем больше народа явится в замок, тем неохотнее их примут. Теперь их было уже восемь, а в голодное время прокормить в осажденном замке столько людей было нелегкой задачей.

Белины были известны своим христианским милосердием, но и они должны были прежде всего позаботиться о безопасности и прокормлении собственной семьи.

Никто, однако, не заговаривал об этом первый – всем было неловко. Когда спросили Собека, он посоветовал ехать немедленно, пользуясь наступившей темнотой. Богдась, подкрепленный пищей и немного оживившийся, предлагал идти с ними, пока хватит сил. Спыткова достала из своей корзины несколько капель какого-то напитка и велела дать ослабевшему Топорчику, который почувствовал себя несколько свежее.

Перед вечером дождь затих, и несмотря на мрак все двинулись в путь. По расчету Собека, а он никогда не ошибался, они должны были еще до рассвета подойти к долине, среди которой находилось Ольшовское городище Белинов.

Впереди шли Собек с Дембцем, за ними ехали Лясота и обе женщины, возле которых шли братья Доливы; Богдана Топорчика Мшщуй вел под руку, потому что он был еще слаб.

Лясота, отвечая на вопросы Спытковой, рассказал ей о

Топорчике следующее: он вырос при дворе королевича Казимира в качестве товарища по играм, так как происходил из старого и знатного рода. Ему предсказывали блестящее будущее, учили его бенедиктинские монахи и поражались его способностям, что, однако, не помешало ему, отдаваясь науке, сохранить в себе рыцарский дух.

Во время пути Лясота подозвал его к себе, желая узнать от него, как он попал в беду, из которой спасся только чудом. Но Топорчику, видимо, не хотелось рассказывать об этом, и он всю вину сваливал на собственную неосторожность, и об одном только можно было догадаться: что его послали с целью подготовить помощь для королевича, которому угрожало такое изгнание, какому уже подверглась незадолго перед тем его мать.

И вот, принеся себя в жертву, преследуемый врагами, отрезанный от Казимира, он оказался вынужденным блуждать по лесу в то время, как вся страна была обвита грабежами и пожарами, а ему оставалось только спасти спую жизнь...

При имени Маслава Богдан затрясся всем телом, зарычал, сжал кулаки, как будто готовясь к борьбе, и громко воскликнул, что он предпочел бы погибнуть с голоду или от руки черни, чем рассчитывать на милость Маслава.

– Я не мог вымолвить даже имени этого собачьего сына, так оно меня давит! – говорит он. – Он всему виною, он – изменник. Пусть вся наша кровь падет на его голову! Не может быть, чтобы Бог не покарал его! Сначала преследовали и

выгнали королеву, которая презирала его, как он того и заслуживал, а потом задумал умертвить королевича и забрать власть в свои руки. Негодяй знал отлично, что когда польская кровь и страна превратятся в пустыню, то люди будут звать на помощь хоть разбойника! Но лучше уж погибнуть, чем искать у него милостей!

И по обычаю того времени Топорчик принялся осыпать ругательствами и проклятиями Маслава, которого никто и не думал защищать.

– Он хуже пса – это правда, – прервал его Лясота, – но если у него будет сила, то те, кому мила жизнь, придут с поклоном к нему!

– Нет, не дождется этого разбойник, не дождется, пока нас осталась хоть небольшая горсточка! – заговорил Богдан. – Разве мы не можем призвать снова внука Болеслава? Он теперь ушел от нас, но если мы его попросим, он вернется и будет править нами – не как отец, а как дед, потому что он рыцарь по духу, муж богобоязненный и разумный. Неужели нас уже истребили, как пчел, всех до единого? Если сохранится хоть горсточка, император поможет ему для того, чтобы не позволить чехам чрезмерно увеличиться присоединением нашей земли. Надо идти к нему, просить и умолять!

– Да ведь он сын Рыксы! – тихо проговорил один из Долив.

– Я это знаю, – горячо прервал Топорчик, – я знаю, что у нас никто не любил королеву-мать и ей приписывали все дурное. Но я ведь там жил, я все видел. Все это иначе было!

Королева набожная и разумная, ее не любили за то, что она была сурова к людям, но она была милостива и справедлива. Говорили про нее, что она не любила наших, а окружала себя немцами, все это правда, но ведь и наши к ней не шли с доверием, а старые языческие обычаи отталкивали ее и возмущали. Она боялась наших и предпочитала проводить время с набожными и мудрыми людьми и беседовать о святых делах. У них она спрашивала совета, потому что больше не у кого было спросить. А наши косились на нее за это.

– Ах боже мой! – отдохнув немного, продолжал Топорчик. – Трудно понять, как все это случилось с нами! Чувствуем только, что на нас обрушился Божий гнев за то, что мы не уважали собственных государей. За это теперь чернь села нам на плечи!

После долгого и утомительного перехода, глубокой ночью, Собек приказал ехавшим впереди приостановиться, потому что лес начинал редеть, и можно было думать, что скоро откроется долина, посреди которой находится Ольшовское городище.

Небо тоже прояснело, из-за облаков выглянул край месяца. Собек снова пошел вперед, чтобы посмотреть, нет ли около замка стражи или отряда, оставленного чернью для охраны. Все притаились в чаще, а Собек, сгорбившись, вошел в кусты и пустился на разведку.

Действительно, перед ними была Ольшовская долина, пересеченная речкой Ольшанкой, а на этой речке виднелось на

довольно высоком и хорошо укрепленном холме городище Белинов. Оно было окружено со всех сторон крепостным валом и рогатками, из-за которых только кое-где выглядывали крыши домов.

В долине Собек не заметил ни одной живой души, но над речкой остались свежие следы огромного табора: трава была примята, даже вытоптана, а во многих местах выжжена. Повсюду валялись потухшие головешки, виднелись выкопанные в земле ямы для костров, колья, к которым привязывали коней, остатки разрушенных шалашей и груды белых костей.

А замок, к которому пробирался Собек, казался совершенно вымершим, не слышно было в нем звуков жизни, не видно огня. И только, вслушавшись хорошенько, он различил мерные шаги часовых на валах.

Разглядев, с которой стороны надо было подойти к замку, он поспешно вернулся назад, чтобы под покровом темноты, пока все было тихо вокруг, провести свой маленький отряд.

Но лишь только они выбрались из леса в долину, на валах послышались окрики: очевидно, бдительная стража, завидев их, подняла тревогу, Собек, который ночью видел так же хорошо, как кот, заметил, что над рогатками в разных местах показались люди. И чем ближе они подвигались к замку, тем больше усиливалось движение. К воротам вела извилистая тропинка, умышленно загроможденная камнями и бревнами и во многих местах разрытая; ехать по ней ночью было и неудобно, и не безопасно.

Старый Лясота, словно разбуженный от сна, вдруг двинулся вперед, оставляя за собою своих спутников. Его уж поджидали у ворот, потому что, как только он крикнул: «Белина!» – из замка тотчас же отозвались.

– Кто вы и откуда?

– Раненые, несчастные – две женщины и несколько калек, просят у вас милосердия. Помогите, кто в Бога верует, и приютите нас!

Долго не было ответа на это первое обращение. Тогда Лясота, потеряв терпение, начал звать самого Белину:

– Белина, старый друг, отзовись, ради бога!

Опять долгое ожидание. А за воротами слышны были только тихий говор и чьи-то шаги. Наконец, наверху, на мосту, показалась какая-то темная фигура, мужчина в высокой шапке, с белым посохом в руке.

– И двор, и замок наш битком набиты людьми – хлеб в умалении. Мы бы душой рады принять еще... Но сами едва можем прокормиться...

– Позвольте же нам, хоть без хлеба, спокойно умереть у вас, чем попасть в позорную неволю к убийцам и злодеям! – крикнул Мшщуй.

Долго не было ответа. Наконец голос сверху спросил:

– Кто вы?

Лясота назвал сначала себя, потому что они знали его и даже были с ним в родстве, потом вдову и дочь Спытека, двух братьев Долив и наконец Топорчика и двух слуг.

– Восемь душ! Восемь ртов! – закричали сверху. – Это невозможно, здесь не хватит места и на троих.

– Женщин возьмем! – закричал другой голос.

– Белина, старина, – заговорил Лясота, усиливая голос, в котором слышался гнев, – ты хочешь, верно, чтобы мы легли все здесь, у ворот, и чтобы все знали, какое у тебя христианское сердце? Ладно... Мы ляжем все, пусть же нас волки сожрут у вас на глазах!

На мосту послышались крики и споры – одни требовали милосердия, другие противились этому. Лясота и Доливы молчали. Топорчик молча сидел на земле. Спыткова громко жаловалась и причитала, а Кася потихоньку плакала.

– Пустили бы хоть нас, – говорила Спыткова, – я тогда брошусь им в ноги и выпрошу для вас приют.

Спустя некоторое время кто-то, нагнувшись вниз из-за рогаток, крикнул:

– Богдась Топорчик, ты ли это?

– Это я или тень моя, потому что я едва жив, – сказал Богдась, подняв голову. – Был бы уже мертвым, если бы не милосердие этих людей.

– Двух женщин, Лясоту и Топорчика! – крикнули сверху. – Больше никого. Да будет воля Божья!

Наступило молчание. Спыткова пошла было к воротам, но Богдась встал и сказал:

– Женщин впустите, а я не пойду без других, останусь с ними. Если бы последний из слуг должен был остаться за

воротами, я останусь с ним. Или всех, или никого. Пойдем под нож к Маславу.

Ослабевший Богдась так вдруг возвысил голос, что все перепугались, – жизнь возвращалась к нему со всем пылом молодости. Наверху снова начались переговоры и споры, а ворота все еще были на запоре. Богдась заговорил с лихорадочным возбуждением:

– Впустите женщин – пусть хоть их не бесчестит чернь и не глумится над ними. А если не хотите спасти своих же братьев-христиан и разделить с ними кусок хлеба, черт с вами! Вы стоите того, чтобы вас взяли и повырезали или угнали в неволю.

Но эти смелые слова не имели действия, все умолкло. Потом послышался чей-то укоризненный голос, а другие замолчали. Среди этой тишины слышался плач Спытковой и гневные проклятия Мшщуя.

Усталые путники уселись на камнях и бревнах у ворот. Никому уж не хотелось больше просить о милости, страшный гнев овладел всеми.

Так продолжалось некоторое время, и никто не знал, что будет дальше, как вдруг за воротами показался свет, послышались шаги и стук отбиваемых засовов и опрокидываемых тяжестей, которыми была завалена калитка.

Никто не поднимал голоса и ни о чем не просил. Наконец, после долгой и напряженной возни у ворот, калитка с трудом открылась, и в ней показался, опираясь на меч, сам

Белина, тучный, сильный, высокого роста старик с длинной белой бородой.

– Идите все, – угрюмо сказал он, – идите, но не дивитесь тому, что увидите собственными глазами.

Спыткова, увлекая за собою дочь, первая прошла в ворота и, очутившись внутри двора, упала на колени, благодаря Бога и хозяина, который стоял с опущенной головой, погруженный в свои думы.

Потом вошли Лясота, Топорчик, Доливы и двое слуг, ведших за собой коней. Двое юношей-слуг стояли с факелами у ворот, и, как только все прошли в них, тотчас же снова началась работа над приведением их в прежний вид. Белина молча шел впереди, не было времени на приветствия.

Действительно, внутренность городища представляла странное и ужасное зрелище, которое могло возбудить жалость. На голой земле, на соломе и просто в грязи лежали в страшной тесноте, один к другому, люди всех возрастов и сословий, так что негде было пройти между ними. Тут были матери с детьми на руках, подростки, жавшиеся к коленям стариков, воины в разорванных кожаных панцирях и старые сморщенные старики с непокрытыми головами и обнаженной грудью – полураздетые. Кому негде было лечь, сидел, опираясь спиной о плечи соседа или об его ноги. Некоторые от истощения, а может быть, от голода спали так крепко, что их не могли разбудить ни свет, ни шум голосов, ни даже толчки проходивших мимо них и задевавших их ногами.

Другие же, страдавшие бессонницей, сидели, подперев голову руками, с рассыпавшимися в беспорядке волосами. Еще третьи в испуге срывались с земли, не понимая, что произошло, и с криком хватаясь за дротики в защиту от неприятеля.

Около конюшен и амбаров, в сенях – всюду виднелись целые массы этих несчастных. По их изжелта-бледным исхудалым лицам видно было, что и здесь с трудом только можно было поддерживать жизнь. Новоприбывшие, войдя в эту толпу и следуя за Белиной, часто должны были невольно наступать на ноги и руки лежавшим, Белине достаточно было показать прибывшим, что у него делалось, чтобы сразу оправдаться в своем первоначальном отказе впустить их.

Пройдя другие ворота, путники очутились во внутреннем дворе, где стоял дом Белины. Они увидели несколько разбитых палаток и наскоро сложенных шалашей, но и здесь была такая же невообразимая давка: все было заполнено людьми, лошадьми, коровами и овцами. Скот прятали в хлеву и конюшне и зорко стерегли, чтобы изголодавшиеся люди, как это уже случилось несколько раз, не убивали ночью потихоньку животных себе в пищу.

В палатках жило знатнейшее рыцарство и шляхта. Их жены, дети и более слабые из них жили в самом доме. Старый хозяин с пасмурным лицом ввел их сначала в нижнюю горницу, которая в лучшие времена служила столовой. Это была большая, длинная зала с дубовыми колоннами; в ней стояли столы и лавки, а в одной стене был вделан огромный ка-

мин, обложенный камнем. Все остальные стены были увешаны сверху донизу одеждой и оружием всякого рода. Здесь тоже вповалку лежали люди, разместившиеся где попало: на полу, на лавках, на столах, а некоторые чуть не в самом камине.

– Смотрите, – сказал хозяин, обращаясь к новоприбывшим, – смотрите и не вините меня. Уж давно у нас не осталось ничего, кроме небольшого количества соленого мяса, круп и муки. Мы варим из этого похлебку и тем питаемся.

Он указал рукой на пол и пробормотал, избегая лишних объяснений:

– Размещайтесь, как и где можете. Женщин я отведу к своим. Что Бог дал, то и дал!

Люди, лежавшие на полу, на столах и на лавках, разбуженные светом и разговором, подняли головы и стали приглядываться к вошедшим. Из разных концов послышались возгласы:

– Лясота! Мшщуй! Вшебор!

Богдася Топорчика захватил в объятия сын Белины, с которым они были в большой дружбе еще при дворе королевы и королевича.

Молодой Белина обнимал друга и восклицал:

– Не вини нас, брат, не вини, а взгляни только!

Старый Лясота, едва державшийся на ногах от утомления, ни о чем не расспрашивал, а присмотрел себе местечко среди лежавших, да тут же и свалился головой кому-то в ноги. Тот

даже и не шевельнулся. Старик тотчас же громко захрапел и застонал во сне.

Проснувшиеся охотно подвинулись, давая место вновь прибывшим. Так, в тесноте и духоте провели приезжие первую ночь, расположившись где пришлось, – молодой Томко Белина, уложив Богдася в удобном уголке, сам пошел на стражу.

Как только свет погас, все снова улеглись, а еще спавшие лежали тихо, чтобы не мешать другим.

Собек и Дембец остались на первом дворе вместе с конями. Так окончилось это путешествие, исполненное опасностей, и окончилось более счастливо, чем можно было надеяться.

На другой день, уже на рассвете, многие стали подниматься и выходить из духоты на валы, где уже слышны были говор проснувшихся людей, плач детей, монотонное убаюкивание женщин и громкие голоса споривших.

Вся эта картина днем казалась еще страшнее, чем ночью, когда нельзя было разглядеть лица человеческого и когда сон смягчал страдания. Теперь, пробужденные от сна, все задвигались и заговорили, словами и стонами жалуясь на свою долю². Матери, имевшие грудных детей, теряли молоко, и ночью несколько новорожденных умерло от холода и голода. Громко плакали и причитали женщины, обступившие пожелтевшие и посиневшие трупы. Стонали больные, про-

² Недоля (устар.) – несчастливая судьба.

сили пищи голодные, а все, кто был еще в силах, носили воду и прислуживали немощным. Старшины, выбранные Белиной, расхаживали с посохами в руках, наводили порядок и призывали к тишине. Здесь ни одна ночь не обходилась без жертв. В эту ночь умерло несколько больных взрослых и несколько детей.

Много хлопот доставляли похороны, ради которых приходилось открывать калитку в воротах; люди с лопатами шли в ближайший лес, где и погребали умерших. При этом надо было торопиться и все время быть настороже, чтобы не напала на них караулившая их чернь.

Эго было первое, что бросилось в глаза прибывшим, когда они вышли утром на валы. Не успели они спуститься вниз, как раздался призыв к обедне на втором дворе; служил ежедневно бенедиктинец Гедеон, человек святой жизни, спасшийся из Пшемешеньского монастыря и пользовавшийся этим обрядом для ободрения и подкрепления несчастных.

Он один среди всех этих людей, жертв страшного разорения и уничтожения, в отчаянии своем усомнившихся в милосердии Божиим, остался тверд и спокоен и умел и в их души вливать надежду.

Для того чтобы вся эта многочисленная толпа могла молиться в часы Великой Жертвы, алтарь был устроен на возвышенном помосте, который был виден издали. Все, кто хотел, могли видеть капеллана через широкие ворота из первого двора во второй и могли молиться вместе с ним.

Это было печальное, но и прекрасное зрелище, когда все стали тесниться, – мужчины и женщины, чтобы продвинуться поближе и вознести молитвы к тому Богу, в котором теперь была вся их надежда на спасение.

Настала глубокая тишина, прерываемая только плачем и вздохами женщин. Здесь было много таких, которые, подобно Спытковой и ее дочке, потеряли мужей, отцов и братьев, погибших в битвах или пропавших без вести. Большая часть из них в белых кисейных покрывалах, чепцах и накидках сидели или стояли на коленях в сторонке, так что невозможно было разглядеть их лиц. По приказанию отца Гедеона в этой тесноте и давке женщины стояли по одну сторону, мужчины – по другую.

Все эти беглецы, происходившие, подобно Лясоте, из зажиточной шляхты, теперь не имели на себе даже целого платья и были одеты в чужие сермяги, в рваные плащи, забрызганные грязью, кто в чем пришлось, некоторые были прямо в лохмотьях. Белина, сжалившись над старым израненным Лясотой, принес ему утром чистых тряпок для перевязки ран и приличный плащ. Панцирь выбросили вон, да и кафтан, насквозь пропитанный кровью, уже никуда не годился. Собек, который умел и за ранеными ухаживать, обмыл и перевязал ему раны. Со своей стороны, Томко Белина одел Топорчика, у которого от сырости давно уже испортилась и прогнила одежда. Но в этот день ослабевший Богдась не мог даже встать в час обеда, и когда подали пищу, пришлось отнести

ему его порцию в тот угол, где он лежал.

Пища была плохая. Уже давно нельзя было печь хлеба, и все обитатели замка – мужчины и женщины – довольствовались мучной похлебкой, к которой иногда прибавляли кусочек мяса или жира.

Никто не смел жаловаться на голод, все тревожились только о том, надолго ли хватит пищи на всех, если положение не изменится к лучшему. Старый Белина сам ежедневно заглядывал в мешки и бочки, соображая, на много ли было в них жизни.

Хотя чернь, осаждавшая замок, и отступила от него, но все отлично понимали, что мир был непрочный и что враг рассчитывал взять их измором.

Не раз высказывались предположения – прорвать осаду и уйти за Вислу. Но тогда надо было или покориться Маславу, или вступить с ним в бой. Большая часть рыцарства, замкнувшегося за валами Ольшовского городища, относилась с презрением к Маславу с его язычеством и не хотела даже думать о спасении через него.

Каждый день происходили совещания, не приводившие ни к какому решению, и отец Гедеон заканчивал все споры и беседы всегда одними и теми же словами:

– Помолимся Господу и будем верить, что Он нам поможет!

И только молодость счастлива тем, что даже в такой тесноте она хоть на минуту может забыть обо всем.

Трудно было поверить, что на другой день первой заботой обоих братьев Доливы было проследить, где скрывались голубые глазки Каси. Они оба, как только встали, принялись всюду бегать и расспрашивать, где помещались мать с дочерью.

Уже в дороге, поссорившись из-за девушки, они избегали смотреть прямо в глаза друг другу и почти не разговаривали между собой, Вшебор за одни сутки дороги так расположил к себе мать, что мог быть уверен в ее сочувствии, однако он не принял в расчет того, что веселая и бодрая еще женщина заглядывалась на него не ради дочки, а ради себя самой. Остаться вдовой без защиты – говорила она себе, – было очень трудно... И она искала мужа... не столько для себя, сколько для дочери, которой он мог заменить отца, а она охотно принесла бы ей эту жертву.

Мечты Вшебора были совсем иные.

Мшщуй, ничего не добившийся во время пути от пугливой Каси, влюбился в нее еще сильнее. И оба брата думали только о том, как вести дальше свои сердечные дела.

В обоих текла одна и та же горячая кровь, но, как это часто случается в семьях, нравы у обоих были неодинаковые. Оба легко воспламенялись, но шли к своей цели разными путями. Во время охоты Вшебор выслеживал зверя, а Мшщуй загонял его и убивал; первый готов был провести целый день в шалаше в ожидании зверя, второй не терпел долгого ожидания и охотнее гнался и преследовал. Так и во всем. Вшебор

всего добивался упорством и ловкостью, Мшщуй – горячим сердцем и собственными усилиями.

В Ольшовском городище, где женщины были отделены от мужчин, трудно было в этой давке найти кого-нибудь вообще и еще труднее – увидеть женщин. Вместе с женою и дочерью Белины они занимали отдельное помещение, и почти никто из них не выходил из него уже потому, что не было такого укромного уголка, где бы за ними не следило несколько пар глаз и не подслушивали чьи-нибудь уши.

Поэтому и оба влюбленных, расхаживая по дворам и задирая головы кверху, словно высматривали воробьев под крышей, не могли нигде увидеть тех, кого искали. А тут еще нашелся третий соперник, в лице молодого Белины. Придя утром к лежавшему Топорчику, он принялся с жаром расспрашивать его о Касе Спытковой, заинтересовавшей его своим серьезным личиком. Топорчик тоже завидел ее издали, но был так измучен и угнетен, что даже женская красота не произвела на него впечатления.

– Оставь ты меня в покое! – отвечал он. – Я не знаю и не ведаю, что это за женщина! Я встретил их в пути, когда был сам едва жив, старшая дала мне напиток – да наградит ее за это Бог. Спрашивай о ней Долив, если они захотят только тебе ответить, потому что мне сдается, что они сами точат зубы на этого подростка. Мне же не до того.

– Девочка, как малина! – сказал Белина.

– Да хоть бы она была, как ангел, каких ставят в костелах,

не время теперь думать о девушках, когда враг схватил нас за горло, – сказал Топорчик.

Белина рассмеялся и умолк но, должно быть, грешные мысли засели крепко у него в голове, потому что, когда братья Доливы, проискав напрасно по дворам, вернулись в горницу, он пристал и к ним, расспрашивая их о женщинах, с которыми они приехали. Но те неохотно отвечали на его вопросы. Им было неприятно, что еще кто-то кроме них заинтересовался девушкой.

Так среди туч засияло на радость молодым глазам, как ясное солнышко, чудное девичье личико. Такова уж привилегия молодости, что и под самым страшным гнетом она не перестает волноваться сердцем и мечтать. Старшие беседовали о защите замка да о хлебе, а молодые только и думали о голубых глазах Каси. Хозяйскому сыну, Томку Белине, который мог свободно входить в помещение женщин, среди которых были его мать и сестра, посчастливилось раньше всех полюбоваться хоть издали на прекрасную девушку. Доливы же и думать не смели о том, чтобы приблизиться к ней.

Но под вечер Спыткова-мать вышла из горницы проведать того, кто так хорошо служивал ей во время дороги и так внимательно слушал ее рассказы. Оба брата, увидев ее издали, так и бросились к ней навстречу. Вдова, помня услуги Вшебора, вынесла ему под платком немного съестного, оставшегося от дорожного запаса, чтобы угостить своего опекуна, и, увидев его брата, поделила свое приношение на

две части.

Оба принялись расспрашивать ее о ней самой и о дочери.

– Благодарение Богу, – со вздохом отвечала вдова, – что мы попали сюда. По крайней мере здесь мы среди людей, и что они имеют, то и нам дают! Здесь было бы легче и умирать! Обе мы в добром здравии, хоть долго еще не забудем этот путь и все наши несчастья.

Так начав разговор, хотя и продолжавшийся жалобами на свою судьбу, Спыткова повеселела и, блестя белыми зубами, то и дело бросала взгляды на Вшебора.

Начав болтать, она уже не могла остановиться: ей надо было так много рассказать такого, чего Мшщуй еще не слышал, – о своем прежнем богатстве, о величии и могуществе своего рода, о любви мужа и обо всем, что она испытала в жизни. Теперь она уж помышляла о том, как бы ей пробраться на Русь к своим, где она надеялась найти защиту, помощь и нового мужа, так как там еще многие вздыхали по ней.

Долго болтала вдова, сопровождая свою речь то смехом, то слезами, кокетливо поглядывая живыми черными глазами то на одного брата, то на другого и энергично жестикулируя. Живая и говорливая, она отлично знала, что может еще нравиться мужчинам, но братья стояли перед ней в безмолвии и неподвижности.

Подходили и чужие люди послушать и посмотреть на нее, а она с увеличением слушателей становилась еще более словоохотливой, и когда пришла пора прощаться и возвращать-

ся к дочери, глаза ее уж были совершенно сухи.

IV

В одно осеннее утро двое людей, одетых по-крестьянски, в простых сермягах, верхом на плохих конях с подостланным вместо седла куском толстого сукна, медленно подъезжали к широко разлившейся Висле, переполненной осенними дождями.

На возвышенном берегу ее виднелись издалека замок на холме и старый город, раскинувшийся у подножия его.

В городе и его окрестностях царило оживление. Около замка, окруженного валами, из-за которых выглядывал маленький костел без креста, принадлежавший бенедиктинцам (потому что еще в 1015 году их поселил здесь Болеслав), передвигались массы народа, напоминавшие войско, разделенное на отряды. Над толпой возвышались в различных местах изображения языческих богов на длинных древках, вбитых в землю, и красные знамена.

Всадники переглянулись между собой. Один из них, обветренный, морщинистый и уже старый, хотя бодрый, был Собек, верный слуга Спытковой, другой – молодой и более видный из себя, хотя и на нем была простая сермяга, был скорее похож на воина, чем на простого крестьянина. Это был Вшебор Долива. Обоих выслали на разведку из Ольшовского городища и велели добраться хоть до самого Маслава,

лишь бы знать, что дальше делать и как выйти из беды.

Долива, принимая поручение, не обнаружил большой готовности: не хотелось ему уезжать от Спытковой и ее дочери, но нельзя было отказаться, потому что все настаивали на его выборе, помня его уверения, что при дворе Мешка он был коморником вместе с Маславом и пользовался его дружбой и доверием. Теперь этот самый Маслав, нечестным путем превратившись из ничтожного мальчишки в плочкого князя, мечтал уже о завоевании всей страны.

Сидевшим в замке надо было разузнать, как обстоит дело и пристало ли им, спасая жизнь от черни, рассчитывать на Маслава, Вшебору не грозила опасность, и, кроме того, он надеялся на свою находчивость.

Собек – простой человек – не боялся ничего. Долива был бы очень рад избежать всякой встречи с Маславом, но делать было нечего. В городище сильно истощились запасы пищи: попасть в руки черни значило то же самое, что положить голову под плаху, следовательно, надо было искать каких-нибудь путей к спасению.

Проводником Доливе дали старого Собека, который не терял присутствия духа в самых затруднительных случаях; он остался верен себе и на этот раз, когда надо было постоянно обходить стороною вооруженные отряды, избегать поселений и прокрадываться чаще ночью, чем днем. Собек провёл его так искусно, что они, не встретив никого по дороге, прибыли целыми и невредимыми на берег Вислы. Вшебор,

который сначала говорил очень уверенно о встрече с Маславом и надеялся на его дружбу, теперь, когда увидел перед собой город и представил себе, как он предстанет перед Маславом, задумался не на шутку.

Он уже начал сильно сомневаться в том, как его примут и вспомнят ли о прежней дружбе. С тех пор как они оба встречались при дворе, многое изменилось, а вести, доходившие со всех сторон о Маславе, не предвещали ничего хорошего.

Но нельзя же было возвращаться назад!

Собек молча взглянул ему в глаза и указал на реку.

Вшебору пришло в голову, нельзя ли как-нибудь, не открывая своего имени, издали все высмотреть и не встречаться совсем с Маславом. Здесь было много народа, и они могли незаметно вмешаться в толпу. Что из этого выйдет, он и сам не знал. Они ехали шаг за шагом, и Долива еще придерживал свою лошадь. Поначалу они сговорились с Собеком, что он постарается добраться до самого Маслава. Но теперь это казалось и неудобным, и опасным.

– Послушайте-ка, – тихо сказал Вшебор товарищу. – Не лучше ли будет не лезть на рожон, а только издали присмотреться? Нас здесь никто не знает.

– Как вы решите, так и будет, – возразил Собек. – Я ничего не знаю!

– Но как вы думаете? – спросил Долива.

Вместо ответа Собек указал ему рукой на Вислу. Они стояли на лугу, на открытом месте.

Отсюда видны были, как на ладони, неподалеку от них, на реке, две связанные вместе большие ладьи, на которых гребли к тому месту, где они стояли.

В ладьях были кони и люди.

Вшебор увидел издали, что люди были вооружены и одеты в рыцарскую одежду, и, верно, это были какие-нибудь знатные рыцари, потому что доспехи их блестели на солнце; на голове у одного из них развевался красивый султан, а на плечи был накинут богатый плащ, из-под которого сверкало оружие.

Мальчик, стоявший позади него, держал в руке птицу, другой слуга приманивал взлетавшего кверху сокола, а третий держал на привязи собак.

Лиц еще нельзя было различить.

Впереди стоял мужчина с султаном на шапке, а несколько поодаль – придворные его или слуги. Должно быть, они ехали на берег Вислы на соколиную охоту.

Нетрудно было отгадать, кто был тот, кто мог свободно забавляться охотой в такое время.

Таким образом счастливый или несчастный случай как раз в минуту нерешимости и колебания облегчил Вшебору выполнение задачи.

Уклониться от встречи было невозможно, спастись бегством – опасно, значит, надо было смело идти навстречу судьбе.

Так и решил в душе Долива.

Не задерживая больше коня, он спокойно поехал вперед, а тем временем и ладьи пристали к берегу, и можно уж было различить лица сидевших в них людей.

Вшебор узнал Маслава, хотя он сильно изменился с того времени, когда Долива помнил его взбалмошным и дерзким мальчиком при королевском дворе. Он держался или, вернее, старался держаться с княжеским достоинством.

Бедно одетые, Вшебор и его спутник не привлекли его внимания – Маслав горделиво оглядывался по сторонам. Заложив руки в боки, задрал кверху голову и поставив одну ногу на край ладьи, он имел такой вид, как будто ему хотелось поскорее выскочить на землю.

Человек этот, крепкий и ловкий, был словно вырублен секирой.

Сквозь панскую внешность в нем ясно проглядывала холопская кровь. Лицо у него было румяное, обветренное и самое обыкновенное; в маленьких, юрких глазках и рыжей бороденке не было ровно ничего княжеского, но он был силен и хорошо сложен, а так как ему, видимо, везло в жизни, то он возомнил о себе и держался с людьми надменно и свысока. Его светлые брови непрерывно морщились, и даже когда он молчал, казалось, что он обдумывает новые приказания, чтобы ни на минуту не сойти с того пьедестала, на который ему удалось взобраться. С первого взгляда в нем чувствовалась сильная и предприимчивая натура, которая ни перед чем не останавливалась.

Когда ладьи приблизились к берегу и всадники подъехали ближе, Маслав, окинув взглядом их серые сермяги, хотел с пренебрежением отвернуться от них, но что-то в лице Вшебора поразило его. Он не узнал его сразу и, строго нахмутив брови, стал пристально всматриваться в него. В это время Вшебор не спеша снял меховой колпак и поклонился ему.

Как раз в эту минуту Маслав, одетый совсем не по охотничьему, а так, как будто собирался принимать у себя послов, и в рыцарском поясе, с которым он никогда не расставался, готовился выйти на берег.

За ним шли его приближенные, одетые так же неуместно, как и он сам, в колпаки с султанами, пояса и нарядные плащи.

Вшебор едва не рассмеялся при виде этой ненужной пышности, но вовремя сдержался, принужденный думать о своей безопасности. Маслав, заметив его поклон, вздрогнул и, взглянув на окружающих, по-видимому, собирался отдать приказание схватить его, но Вшебор, приблизившись к нему, сказал вполголоса:

– Я к вашей милости, пришел к вам с поклоном.

Маслав уже не сомневался, что видит перед собой прежнего знакомого. Тревога снова овладела им, он не знал, как отнестись к нему, и недоумевал, что могло его сюда привести.

В нерешимости он отступил назад, присматриваясь к Вшебору.

Видя его колебания, Долива быстро распахнул сермягу и показал ему, что, кроме небольшого меча, у него не было больше никакого оружия. Топор остался привязанным к седлу коня, с которого Долива сошел, оставляя его на попечение Собека.

– Что вас сюда привело? Что вы хотите от меня? – заговорил Маслав, стараясь придать своему голосу гневный и строгий тон. – Говори, да поскорее, у меня нет времени!

Проговорив это, Маслав подступил к Вшебору, словно желая показать, что он его не боится, а когда тот не сразу ответил, Маслав отошел от своих людей, принудив и Вшебора следовать за собою.

– Милостивый пан! – начал Вшебор. – Не так это легко – рассказать в двух словах свое дело. Вы знаете, что у нас теперь делается, и только вы можете нам сказать, что будет с нами завтра. К вам и надо идти спрашивать, что делать дальше.

Маславу, видимо, польстило, что ему приписывают власть над будущим. Его мужественное, энергичное лицо, обнаруживавшее в нем присутствие большой звериной силы, приняло выражение еще большей гордости и самомнения, и он вымолвил без гнева уже:

– Что делать? Все, кто хочет сохранить голову на плечах, должен мне повиноваться. Кроме меня, ни у кого здесь нет силы. Скоро мы освободимся от немецкого и чешского гнета, и я буду править!

Говоря это, он оглянулся, чтобы проверить впечатление, которое производили эти слова, и засмеялся диким, насильственным и неискренним смехом.

Вшебор молчал, не поднимая головы. Маслав ударил рукой по мечу, который висел у него за поясом.

– Спроси меня, по какому праву я буду править, – прибавил он. – Вот мое право! Кто силен – тот и должен править, а у кого есть ум – у того есть и сила, если же нет ума, то и сила не поможет, потеряют ее, как они там потеряли (он указал рукой на запад). Обленившееся, ни к чему не годное, онемеченное племя надо было выбросить за дверь, а крестьянам вернуть старую свободу и прежнюю веру. Мы должны жить по-своему, а не перенимать чужих обычаев. Не нужно нам ни чужих богов, ни чужих князей. Пясты продавали нас императорам и панам. От немецких матерей рождались онемеченные дети. Казимир, мать которого записалась в монахини, пусть себе сидит у дяди в Хольне и поет в хоре, там его место, а не здесь на царстве. Мы ведь не монахи!

Говоря это, он шел вперед и бросал пытливые взгляды на Доливу, подзадоривая себя собственными словами.

– Мазурская земля – моя, а со мной пойдут пруссаки и литовцы; все те, которые привязаны к своей старой вере. Нас – множество, а вас – горсть, да и той скоро не станет. Земля без государя достанется тому, у кого сила. А сила – у меня! У меня!

Он разгорячался все более, поглядывая на Вшебора. Но,

не дождавшись от него никакого ответа, стал перед ним и повелительно сказал:

– Говори же мне, кто тебя послал?

К Доливе, ввиду грозящей опасности, вернулись мужество и хладнокровие. Он равнодушно пожал плечами.

– Кто же у нас может посылать? – сказал он. – Из старого рыцарства, шляхты и магнатов немногие уцелели – на паству волкам. Мы, двое братьев, спаслись от чехов и черни. Может быть, найдется еще несколько человек, спасшихся и укрывающихся в лесах. Кто бы мог меня послать? Вы были когда-то мне другом, теперь могли бы взять меня хоть в слуги! Моя жизнь не имеет для вас никакой цены, но, может быть, я вам на что-нибудь пригожусь.

Маслав задумался. Речь Вшебора понравилась ему.

– Ой! Знаю я вас! – выговорил он насмешливо. – Если бы вы только могли мной завладеть, вы охотно отдали бы меня в руки Казимира или еще кого-нибудь. Много их там шляется у немцев. Вы все окрестившиеся и выдавшие другие времена, не многого стоите.

– А вы разве не были крещены? – смело спросил Вшебор.

Маслав запылал мгновенным гневом и оглянулся назад на своих – не слышали ли они этих слов. Но те стояли далеко и не могли слышать их разговора. Он промолчал и опять задумался.

– Слушай, Долива, – заговорил он после молчания, взявшись за бока и отойдя несколько шагов назад. – Правда, я

дружил с тобой на том песьем дворе, хочу быть для тебя теперь добрым паном, но смотри, береги голову на плечах, она тебе нужнее, чем мне. Я возьму тебя одного, брата твоего не хочу и никого больше не хочу, пусть чернь вырежет их без остатка. Я себе наделаю магнатов из тех крестьян, которые будут мне благодарны, а бояться их мне нечего. Если хочешь служить мне, я возьму тебя!

Вшебор поклонился, потом поднял голову и смело взглянул ему в глаза.

– Почему же мне не служить тебе, если я умираю с голоду и не имею пристанища? Но что будет с братом?

– Да где ты его оставил? – спросил Маслав.

– В лесу, на поляне, два дня пути отсюда, он занемог.

– Пусть его там волки съедят, – смеясь и похлопывая Вшебора по плечу, сказал новый князь. – Ты останешься у меня, а больше я знать никого не хочу.

Вшебор промолчал и не настаивал больше. Ссылка на брата была только лазейкой, которую он оставил себе для того, чтобы иметь предлог уйти от Маслава. Но он все же надеялся с помощью Собека уйти тем или иным способом.

Маслав, как бы не доверяя ему, продолжал пытливо поглядывать на него, но выражение его лица прояснилось.

– Это мне будет очень кстати, – сказал он, – мне как раз надо устроить себе двор. Я назначу тебя охмистром. Эти мои мужички во всем хороши, да беда в том, что они не знают папских и королевских обычаев. У меня должен быть свой

двор, как у всех королей и князей. Вот ты мне подберешь людей и обучишь их. Я хочу, чтобы у меня были такие же порядки, как при дворе старого Мешка и Болька.

Вшебор, делая вид, что он вполне разделяет эту мысль и, не обнаруживая отвращения, с готовностью подхватил:

– Вот и отлично! Но, пока я научу людей, пройдет немало времени.

– Пустое! – нахмурив брови, возразил Маслав. – Я умею скоро учить. Надо построже, тогда все пойдет хорошо.

И снова похлопал его по плечу.

– Я беру тебя, – повторил он, – но помни, я добр и щедр, но и грозен в то же время.

На этом разговор окончился. Маслав обернулся к своей свите, стоявшей поодаль, и крикнул:

– Пустить сокольничьих псов! Если что-нибудь попадетсЯ – спустить соколов!

Он дал знак и сам медленно пошел к своим людям, сопровождаемый Вшебором. Услышав за собой его шаги, князь как будто одумался.

– Подождите здесь при ладьях, вернетесь вместе со мной!

Долива послушно остановился, а псы, соколы, мальчишки, слуги и Маслав со своим двором потянулись вдоль берега реки.

Долива вернулся к Собеку, который стоял в стороне с конями.

Иначе невозможно было спасти свою голову и присмот-

реться к Маславу, как только приняв то предложение, которое милостиво сделал ему Маслав.

Охотники удалились, а Вшебор подошел к Собеку, который заглядывал ему в глаза, стараясь отгадать, какие вести он принес с собой.

– Едем ко двору, – тихо проговорил Долива. – Я приехал в добрый час, если голова моя осталась еще на плечах. Мы пробудем здесь некоторое время, но вы и кони должны быть каждую минуту готовы к отъезду, когда настанет время.

Собек качал головой.

– Вырваться отсюда не так уж трудно, – отвечал он. – Они не очень-то бегутся, видно, не боятся никого. Удалой пан! Удалой! – тихо прибавил он.

Они присели отдохнуть, а коней пустили попасться на траве.

Но Маслав недолго забавлялся охотой. Приказав людям пройти с соколами, он сам вернулся, ища глазами Вшебора.

Тот встал и подошел к нему.

Казалось, новому повелителю приятно было поговорить о себе с каким-нибудь свежим человеком. Переряженная чернь, окружавшая его, не удовлетворяла, и его тянуло к Вшебору.

Подойдя к нему, он указал на город, расположенный на холме.

– Это будет моя Познань! – сказал он, смеясь. – Ты пони-

маешь? Отсюда я буду владеть обоими берегами Вислы!

И, вытянув руку, обвел ею вокруг.

– Пруссаки и литовцы пойдут со мной. Чехов погоним вон и поколотим, немцам не позволим подойти к Лаббе, вырежем их, и дальше. Все, кто ненавидит христиан, пойдут со мной. – Он все время оглядывался на Вшебора, как будто ожидал от него похвалы и одобрения.

– Ну, что ты скажешь на это?

– Что ж, только бы у вас было войско!

– Есть войско и еще будет, и я сам обучу их, – быстро заговорил Маслав. – Я хоть вырос при дворе, но в душе всегда был и остался воином. Пруссаки – предприимчивый народ. Это те самые, что убили Войташка, которого Болько выкупил и похоронил в Гнезне, а теперь чехи взяли его оттуда! Те самые, что не сдались старому Болько. Ну а я им брат и сват!

Он засмеялся, с довольным видом потирая руки.

– Ну, что же ты ничего не говоришь? Маслав не глуп, правда? Увидишь сегодня сам, от них придут ко мне послы. А знаешь, почему так случилось? Потому что я сделался язычником и повыдергивал кресты. Весь народ со мной.

Должно быть, молчание Вшебора было ему неприятно. Он несколько раз спросил его:

– Что же ты об этом думаешь?

– Вы очень счастливы в жизни, это вес знают! – пробормотал Долива.

– В Плоцке, в замке, были отцы бенедиктинцы – теперь

от них не осталось и следа. Из костела я устроил языческий храм так же, как и они из храмов делали костелы. Гусяры хлопали в ладоши и кланялись мне в ноги от радости: люди повыкопали старых богов, прикрепили их к древкам и потыкали в землю, крича перед ними: «Ладо!» Вот где моя сила! Ну что ж вы все молчите? – смеясь, повторил он.

– Удивляюсь всему этому, – не спеша выговорил Долива, – но советую вам хорошенько посчитать свои силы в борьбе с христианами. Вас много, но и тех немало. Я не хочу вам льстить. На Руси водружены кресты, чехи – крещены, венгры и немцы – тоже христиане. А их всех вместе соберется много.

Маслав утвердительно кивнул головой, потом остановился, осмотрелся вокруг и, подойдя ближе к Вшебору, зашептал, близко глядя ему в лицо:

– Ты ничего не понимаешь. Чей Бог окажется сильнее, тому я и поклонюсь. Мне что? Теперь взяла верх старая вера, а что будет завтра – почему я знаю? Князья и короли все крестятся, когда приходит время. И я буду таким, каким захочу быть, чтобы получить власть, а теперь хорошо и так, как есть. Долой кресты и долой немцев, которые их принесли. Понял?

Он засмеялся, не раскрывая рта и блестя глазами. Но ему не понравилось в новом слуге, что тот не удивлялся, не льстил ему и даже не соглашался с ним.

– Эх ты, человек, – возвысив голос, заговорил Маслав. – Ты, может быть, думаешь, что мне приснилась моя сила? Ну,

так я покажу ее тебе воочию. Увидишь и сам поверишь.

Он взглянул вдаль, где стояли люди с собаками и соколами.

Две собаки выслеживали дичь в болоте, но осенний день не благоприятствовал охоте – до сих пор не встретилось ни одной цапли и ни одной птицы. Маслав подозвал к себе ближайшего слугу.

– Гей, Дидко, выпустите соколов проветриться и потом возвращайтесь с ними. Губа поедет со мной, здесь больше нечего делать.

И он указал рукой на ладьи, к которым и направился.

Вшебор глазами дал знак Собеку, чтобы тот не тревожился о нем, сам Долива пошел за князем. Маслав, как бы торопясь вернуться, поспешно спустился к ладьям, вскочил в одну из них и приказал забрать коня для него самого и Губы.

Взгляд его упал на бедно одетого Вшебора, стоявшего перед ним в ожидании приказаний.

– Ты не можешь ехать со мной в этой сермяге, – сказал он, – останешься пока в ладье, а потом пойдешь пешком в замок. Когда мы вернемся, Губа прикажет выдать тебе одежду из моей гардеробной, и ты будешь одет, как пристало моему охмистру. Не бойся, – со смехом прибавил он, – будет тебе и цепь, и все прочее! У меня всего этого вдоволь. Я хочу, чтобы люди восхищались моим двором, а не смеялись над ним.

Он подозвал Губу и шепнул ему что-то на ухо, указывая на Вшебора. Между тем ладьи, в которых сидели на веслах и

стояли с баграми несколько мазуров, стали быстро переплывать реку. В глубоких местах все брались за весла, а на мели отталкивались баграми. Люди работали живо, подгоняя друг друга, как будто чувствовали, что пан их не любит ждать!

Маслав, стоя в ладье, уже не говорил ничего, хотя слушателей было достаточно, он только несколько раз указал Вшебору рукой на замок, видимо, гордясь и чванясь тем, что он им владел.

Действительно, замок, расположенный на возвышенном берегу реки, имел очень величественный вид, а на валах виднелся народ, видимо, поджидавший своего господина. Когда ладья причалила к берегу и из нее вывели коней, Маслав наклоню головы простился с Доливой, сел на своего великолепно убранного коня и в сопровождении Губы поехал в замок, высоко подняв голову и приняв вид грозного владыки... Снизу было видно, как задвигались люди наверху при его приближении, а через минуту на валах раздались громкие крики многочисленной толпы, приветствовавшей Маслава.

Вшебор, задумчивый и удрученный, поплелся вслед за ним к замку. Быть может, он вспомнил то время, когда видал Маслава маленьким и жалким перед королевой, которая относилась к нему с презрением.

По пути к замку Вшебор внимательно присматривался ко всему, что окружало Маслава. Народу везде было много, и хоть он уже был собран в сотни и полки, но всем своим видом и одеждой более напоминал полудиких людей, чем воинов.

И вооружены они были неодинаково. Начальников трудно было отличить от простых солдат. Все они сидели и ходили в полном беспорядке, кричали и ссорились между собой.

Во дворах замка стояли бочки и кадки с пивом; часть людей, сидя на земле, ели и беседовали, другие, лежа, отдыхали.

Около прежнего бенедиктинского костела стояла толпа гусяров, колдунов, старых баб и черни, вышедшей из лесов.

Внутри открытого храма горел уже огонь, около которого двигались женщины в белых одеждах. Перед вывороченными дверьми костела стояли длинные древки, вбитые в землю с изображениями богов, сделанными наспех, грубыми и безобразными.

Между ними стоял выкопанный из земли каменный чурбан, который должен был изображать божество в трех шапках, с заложенными на груди руками, в которых он держал меч и каравай.

Гусляры, рассевшись на земле под ним, бренчали на гуслях и подпевали, а народ, окружавший их, внимательно слушал.

У дверей вновь отстроенного деревянного замка стояла толпа народа и суетились слуги нового князя в нелепых пестрых одеждах.

Очевидно, старались одеть их попышнее, но не умели этого сделать, и каждый, выбрав, что ему нравилось, напялил на себя, заботясь только о том, чтобы било в глаза. Все это

имело дикий вид. Только на некоторых было полунемецкое платье, видимо, награбленное из королевского замка.

Важнейшие граждане, несмотря на свои дорогие платья и жупаны, цепи и позолоченные пояса, несмотря на то, что были и умыты, и причесаны, все же выглядели простыми пастухами. Видно, на этом дворе, собранном наспех и кое-как одетом, не было никакого порядка. Там и сям в этой толпе вспыхивали ссоры, завязывались драки и слышались удары дубинок и шум борьбы. Толкали друг друга и дрались до тех пор, пока дубинка одного из старшин не прекращала ссоры.

Визг и вой собак, ржание коней и отдаленный шум воинского лагеря сливались в один смешанный гул, в котором трудно было разговаривать, не повысив голоса, чтобы быть услышанным, и эти приподнятые голоса еще увеличивали общую шумиху.

Вшебор без труда пробрался сквозь толпу. Никто даже не взглянул на него, все только толкали его, и он не знал бы, куда идти, если бы не вышел в это время из замка Губа и не повел его за собой.

По знаку Губы приблизился старик, которому Губа и передал Вшебора. В сенях замка тоже толпилось много народа. Пройдя через какие-то темные закоулки, переходы и коридоры, по которым сновала челядь, Вшебор со своим проводником вошел в полутемную избу. Ее маленькие окошечки, задвинутые изнутри ставнями, едва пропускали свет сквозь щели. Это был, должно быть, какой-нибудь склад или гарде-

робная владельца замка, вся заваленная одеждой, оружием и всевозможными, очевидно, награбленными вещами, которые лежали на полу и висели по стенам. Все, что доставляла война, было захвачено и сложено здесь Маславом. Целыми кучами свалены были вещи, собранные из разных замков, от разных владельцев, со всех концов страны, различной ценности и самого разнообразного вида. Те, что сложили их здесь, не умели даже отличить более ценных вещей от менее ценных. Дорогое и дешевое, хорошее и плохое – все было свалено вместе в одну кучу, как рожь или сено, свезенные в амбар.

– Эй вы! – крикнул старик, отворив дверь. – Берите, что хотите. Так приказал пан! Не стесняйтесь! – И он указал на кучи одежды и полки, нагроможденные всяким добром.

– Выбирайте, чего душа пожелает! Вы видите, у нас есть что выбрать! – и, поглаживая голову, старик усмехнулся. На одной из полок лежали отдельной кучкой золотые и позолоченные цепи. Старик подошел и, выбрав несколько, взвесил их на руке, остановился на самой тяжелой цепи и хотел уже подать ее Вшебору, но вдруг заметил на ней следы засохшей крови, пробурчал что-то себе под нос и пошел к дверям, где стоял чан с водой. Выполоскав в нем цепь, он начал вытирать ее полкой своей одежды.

Вшебор с отвращением стал одеваться – отказаться было невозможно.

Старик с готовностью помогал ему и все время советовал

выбирать все самое лучшее, но не тратить даром времени. У него была только одна забота – выполнить как можно лучше приказание своего пана.

– Только поторопитесь, – говорил он. – Его милость не любит ждать и желает, чтобы вы были при нем за столом... А давно уж пора... – Из разных углов он вытащил: пояс с мечом, меховую шапку, богатое верхнее платье и все, что было нужно, для того чтобы Вшебор угодил новому пану. Сверх всего этого старик накинул ему на шею золотую цепь и, с улыбкой осмотрев его, повел к выходу.

Из гардеробной в столовую снова пришлось идти темными коридорами и переходами... Уже издали Вшебор услышал доносившиеся из нее громкие голоса. Старый плоцкий замок не отличался большим великолепием внутреннего убранства: он был закопчен от дыма, а все убранство горниц составляли самые простые деревянные столы и лавки. Каким он был с незапамятных времен, таким остался и теперь – со столами из толстых досок, с огромными лавками, устланными теперь кожами и сукном. В других горницах не было даже полов, а только сглаженная земля, засыпанная листьями, а зимой – соломой и вереском.

В горнице, игравшей роль столовой, было много разряженных, как на празднике, гостей. Для князя было устроено сиденье на небольшом возвышении, прикрытое черным сукном. Около него занимали места сразу бросившиеся в глаза своей непохожей на остальных внешностью пруссаки со

зверскими лицами, вооруженные топорами, дротиками, луками и кремневым оружием.

Главою их был кунигас, относившийся к Маславу совершенно запросто, а тот волей-неволей должен был принимать доказательства его расположения.

Это был человек среднего роста, широкоплечий, толстый, с заплывшими от жира глазами, едва видневшимися из-под бровей, в обхождении решительный и не обращавший никакого внимания на торжественность обстановки, какую силился поддерживать Маслав. Он считал себя совершенно равным ему и отвечал ему гордо и высокомерно. Новый князь, должно быть, нуждался в нем, потому что, хотя лицо его часто выражало неудовольствие и гнев, он все же терпеливо переносил такое обхождение гостя.

Иногда он обводил взглядом своих придворных. Ему хотелось, чтобы двор его произвел на пруссаков впечатление настоящего княжеского, и потому-то все были разряжены, как на празднике, и вооружены.

По старому обычаю в горнице не было женщин.

Заняв место в конце стола, Маслав посадил около себя кунигаса, приказав подостлать ему на сиденье красное сукно. Перед ними были поставлены серебряные блюда, а так как для других уже не хватило серебра, то остальные удовольствовались глиняной и деревянной посудой.

Вшебору Маслав указал место за другим столом, приказав ему распорядиться там.

За исключением пруссаков, которые нисколько не стеснялись и, громко разговаривая, тотчас же принялись есть и пить, все остальные, сидевшие за столом, придворные Маслава, вероятно, соблюдая приказание своего пана, хранили боязливое молчание. Но так как они к этому не были приучены, то время от времени и среди них вырывался у кого-нибудь громкий возглас или взрыв смеха, который сейчас же затихал под грозным взглядом повелителя.

Слуги прислуживали неумело: сталкивались друг с другом, за дверями слышались угрозы, брань и жалобные крики. Но все же пир окончился бы вполне благопристойно, если бы не кубки, стоявшие перед гостями и постоянно наполнявшиеся. Мед развязал языки этим людям, не привыкшим сдерживать вспышки гнева и веселья. К концу пиршества ничто уже не могло остановить шума и криков, хотя выражение лица князя становилось все угрюмее. А тут еще явилась целая стая своих и чужих псов, бросившихся глотать брошенные под стол кости и своим лаем и визгом еще более усиливших общий гомон.

В конце трапезы, по старому обычаю, все гусяры и певцы, сидевшие около храма, собрались в обеденную горницу. Они ворвались целой толпой, торопясь занять места на лавках около стены, а те, кто не нашел места, расселись на земле; зазвучали гусли и раздались крикливые напевы.

Но Маслав и с этим должен был считаться – ведь за ним шел весь народ; перед ними поставили пиво и мед, слушали

их пение и игру, а некоторые из сидевших за столом, подогретые вином, стали вторить им и хлопать в ладоши.

Все это мало напоминало пир в княжеском доме, но, видно, иначе и не могло быть.

Пруссаки этим не смущались: они с удовольствием попили мед, подставляя для этого рог, который носили у поясов, и похваливая угощение.

Уже трапеза близилась к концу. Все угощение понемногу исчезало со столов, и остались только жбаны, как вдруг двери из внутренних покоев замка с шумом отворились, и в горницу вбежала какая-то странная фигура. При виде ее пруссаки в испуге повскакивали с лавок, а Маслав побледнел, как мертвец.

Да и было чего испугаться!

Вошедшая была старая, худая и высокая женщина с седыми растрепанными волосами, падавшими ей на плечи, едва прикрытая грубым бельем и даже не подпоясанная, босая и как бы вырвавшаяся из тюрьмы или из рук палачей.

Ее бледное, сморщенное лицо и горевшие пламенным гневом серые глаза с красными, опухшими от слез веками выражали глубокое, почти безумное, горе.

Она вбежала с громким, неудержимым, бессмысленным криком, в котором ничего нельзя было разобрать. Перепуганная, рассерженная, оглядывавшаяся назад, как будто за ней гнались.

Отталкивая руками тех, кто стоял у нее на дороге, она

добежала до стола и стала, как вкопанная, перед Маславом, вперив в него безумный взор.

Князь, бледный, не владеющий языком, вскочил с места и руками указал своим придворным на это привидение, которое они пропустили в горницу. Пруссаки, перепугавшись неизвестно чего, хватались за ножи. Остальные повскакивали с мест, и в горнице все пришло в смятение. Тогда и Вшебор двинулся от стола.

В это время люди, вбежавшие за бабой, схватили ее за руки, но она, вырываясь от них, упала на землю как раз подле того места, где сидел князь. Маслав в ужасе отшатнулся.

Раздались испуганные крики, потом в толпе произошло движение, и придворные, схватив безумную на руки, поспешно вынесли ее из горницы.

Некоторое время еще слышались ее жалобные крики, сначала громкие и напряженные, потом все затихавшие по мере удаления и наконец превратившиеся в глухой стон, затерявшийся где-то в глубине замка.

Маслав, с вытаращенными от испуга глазами, стараясь придать своему лицу подобие улыбки, опустил на свое место.

На вопрос кунигаса он холодно ответил, что это была бедная старая помешанная, и, налив себе кубок, выпил его залпом, но, как он ни старался принять равнодушный вид, он не мог удержать охватившей его дрожи.

Часть гусяров вышла за дверь, и после этого шумного

приключения вдруг настала страшная тишина. Князь сделал знак, чтобы подали мед, но и это не помогло, так как все были испуганы и смущены появлением несчастной женщины. Скоро все умолкло, а некоторые из тех, которые особенно много пили, захрапели, положив головы на стол. Наконец и сам Маслав, приказав проводить своих гостей на отдых в предназначенные для них горницы, двинулся неверным шагом из столовой, предшествуемый коморниками, которым он приказал нести перед собою меч. Начали расходиться и остальные, за исключением уснувших за столом.

Вшебор, не имевший понятия о своих дальнейших обязанностях, остался почти в одиночестве. Из памяти его не мог изгладиться образ странной бабы, испортившей своим появлением весь пир. Откуда она могла взяться здесь, при дворе? Кто она была и чего хотела? Догадаться самому было невозможно, хотя из ее криков и отрывочных фраз можно было понять, что она пришла с какой-то просьбой к Маславу.

Князь тоже, видимо, был более напуган ее видом, чем рассержен, из уст его не вырвалось ни одного проклятия, он, такой смелый и суровый до жестокости, не имел на этот раз силы вымолвить слово!

Вшебор, расхаживая взад и вперед по горнице, раздумывал об этом, когда вошел Губа.

Лица придворных имели после этого приключения то же самое выражение, которое Вшебор подметил у Маслава. Губа был угрюм и озабочен.

– Что это была за женщина? – спросил его Вшебор.

Губа взглянул на него и пожал плечами.

– Да старая баба какая-то, я не знаю, – отвечал он, но видно было, что он знал больше, чем хотел сказать. И, чтобы избежать дальнейших расспросов, тотчас же удалился.

Вбежал мальчик, посланный за Вшебором, которого князь приказал привести к себе.

Горница князя, куда ввели Вшебора, была убрана по образцу Мешкова двора – с видимым желанием произвести впечатление богатства и пышности.

Маслав нагромоздил в ней огромное количество всякой посуды, ковров и материй, как бы умышленно выставляя их напоказ.

Вшебор, войдя, застал его лежавшим на кровати; увидев его, князь быстро поднялся и сел.

Лицо его страшно изменилось. Румянец сошел с него, губы посинели, глаза сверкали диким огнем, морщины сдержанного гнева избородили щеки и лоб. Он всматривался в лицо Вшебора, как бы желая узнать по его выражению, с чем он пришел.

– Видели, – заговорил он, – как мне испортили праздник? Эта глупая челядь! У дверей не было стражи!

Вшебор молчал.

– Сумасшедшая старая ведьма! – продолжал Маслав. – Только из жалости приютил ее. На нее иногда что-то находит, духи ее мучают, и тогда она сама не знает, что делает

и что плетет.

Он встал и, опустив голову, заходил по горнице.

– Я уже давно приказал держать ее взаперти!

Он, видимо, был разгневан и с трудом сдерживал себя, потому, как бы сделав над собой усилие, подошел к нему с просветлевшим лицом, на котором еще ясно видны были следы плохо скрытого волнения.

– Вот ты видишь, шлют ко мне послов и просят вступить с ними в союз те самые, с которыми не мог справиться Болеслав! Стоит им кликнуть клич, и поднимутся тысячи мне на помощь, а я выгоню немцев.

Вдруг голос его дрогнул, словно он что-то вспомнил, и он прибавил:

– Если захочу срубить кому-нибудь голову или повесить, из-за стола прямо отдам палачу, виновных могу строго наказать. Что захочу, то могу.

Вшебор все молчал и слушал. Тогда Маслав спросил настойчиво:

– Ну, что же вы скажете?

– Присматриваюсь и дивлюсь вашей силе, – отозвался Долива. – Всюду виден у вас достаток. Могу вас поздравить.

– Может быть, ты думаешь, – живо прибавил Маслав, – что я не имел на это права? Ты слышал басни, которые рассказывали при дворе? Все это одна ложь и клевета, во мне течет кровь старых мазурских князей. Как у Лешков, так и у нас, Пясты украли наследство, а мы теперь отберем его у

них. Моя кровь стоит пястовской.

Проговорив это, он опустился на сиденье, покрытое шкурой, перед огнем и в задумчивости облокотился на руку.

– Пясты не вернутся уже никогда, – заговорил он, как будто сам с собой, – Казимир не захочет подставлять свой лоб, и никто ему не поможет... А с чехами...

– Что же вы думаете начать с чехами? – спросил Вшебор, вынужденный так или иначе поддержать разговор.

– Против чехов направлю пруссаков и Мазуров, а в конце концов поделюсь с ними.

– Бржетислав не захочет делиться.

– Захочет! – возразил Маслав. – Я дам ему Силезию, пусть уж возьмет и Краков, и вместе пойдем на императора.

Все это, высказываемое отрывочными фразами, походило скорее на горячечные фантазии, чем было ответом на вопрос. Казалось, он себе самому бросал эти мысли в ответ на рождавшиеся в нем сомнения, надеясь отогнать их.

– Я объявлю себя королем, – продолжал он. – Рыкса увезла с собой все короны, но я в тех и не нуждаюсь, пусть император хранит их у себя. Мне выкуют новую, еще дороже и красивее. И не ксендз наденет мне ее на голову, а я сам! Я сам!

Он засмеялся, блеснув глазами, но вдруг оглянулся тревожно и нахмурился. Откуда-то издалека долетел заглушенный крик.

Маслав вздрогнул и прислушался: все было тихо! Он

вздыхнул свободнее. Мысль его продолжала свою работу.

– Если бы даже чехи и немцы оттягали у меня все земли за Вислой, здесь я останусь паном. Отсюда меня никто не прогонит, я здесь – дома. Тут и пруссаки, которые идут со мною рука об руку. На собственных кучах мы сильны. Почему же бы мне не жениться на девке прусского кунигаса? Разве он отказал бы мне? Даст за ней в приданое землю, все как следует. Мы будем везде поддерживать старую веру! Говорят: крещеная Русь, крещеная Польша, крещеная Чехия! Ложь все это! Окрестили их под страхом и угрозой, народ будет с нами, потому что мы отдадим им старых богов. Разрушим костелы, а монахов прогоним.

Вдали снопа послышался слабый крик – и все снова стихло.

Маслав побледнел, оглянулся осоловевшими глазами и умолк.

Вшебор тоже не посмел заговорить или спросить его.

Вдруг князь обратился к нему:

– Ведь ты – христианин? – дрожащим голосом спросил он.

– Да, я христианин, – сказал Долива, – и вам это хорошо известно, потому что и вы вместе со мной ходили в костел и к исповеди.

– Правда, – прибавил он, – на свете еще много некрещеных людей, да и таких, которые, окрестившись, все еще тайно держатся старой веры – тоже, должно быть, немало, но и христиан ведь множество, а там, где надо постоять за веру и

крест, – все пойдут вместе.

– И много у них хорошего оружия, – вырвалось у задумавшегося Маслава. – У нас рук-то хватит, но не хватит мечей.

Он потер лоб, как бы стараясь стереть с него назойливую мысль и, понутив голову, сказал:

– Они умеют делать чудеса!

– Христиане? – спросил Вшебор.

– Нет, их черные монахи, – таинственно шептал Маслав. – Как они это делают? Никто не знает. Никого не щадили, всех приказано было убивать, и мало кто из них уцелел. Что это, колдовство?

Маслав содрогнулся, словно охваченный внутренней тревогой.

– Все это рассказы глупых людей, – шепнул он, прерывая себя самого. – Басни для запугивания людей – ложь и клевета.

Он взглянул на Вшебора и, подойдя к нему, взялся за конец золотой цепи, спускавшейся к нему на грудь.

– Ты поступай, как знаешь, только будь мне верен, – сказал он, – а своим христианством не хвались. Мы здесь не хотим знать этой веры! А завтра, – прибавил он, – выбери мне людей, молодец к молодцу, и вели выдать им всем одинаковую одежду, чтобы у меня была, как пристало князю, своя дружина. Ты будешь начальником ее и охмистром при моем дворе. Понял?

Вшебор молча поклонился и вышел.

V

Очутившись один в сенях, Долива горько усмехнулся сам над собою. Вот чего он дождался! Быть слугой и охмистром холопского сына, которого он помнил мальчишкой для услуг при княжеском дворе. Все, что он видел здесь, вызывало в нем гнев и возмущение, и он не рассчитывал остаться здесь надолго, но все же надо было ко всему присмотреться, чтобы разузнать, в каком положении было дело Маслава. Ему это было тяжело, он вынужден был притворяться, но, раз попав в это осиное гнездо, надо уже было держаться смирно. Он еще не знал даже, к кому обратиться и куда направиться, когда Собек, поджидавший его, молча поклонился ему.

Почти весь двор уже спал, только немногие бродили еще по темным углам и переходам, через которые должны были пройти, чтобы попасть во второй двор. Вышли и Собек с Вшебором, и здесь Собек, как будто почувствовав себя в безопасности от подслушивания, обратился к Доливе и сказал ему:

– Вам отвели плохую хату, но что делать? Весь двор полон пруссаков и поморян... Я просил для вас отдельную, чтобы вы могли выспаться, но где там! Едва нашлась какая-то каморка. Хотели дать клетушку, где даже нельзя было развести огня.

Говоря это, он провел Вшебора к строению, в котором

с одной стороны слышался женский голос, а с другой – несколько пруссаков охраняли покои своих панов. Из узких сеней Собек провел Вшебора в маленькую горницу, в которой Собек уже развел огонь. Узкая, грязная, пахнувшая смолой комнатка эта, видимо, только что была освобождена для княжеского охмистра. В ней была только одна лавка, в углу лежала охапка сена, покрытая шкурой, а по стенам было вбито множество деревянных гвоздей, очевидно, оставшихся от прежних постояльцев, которые развешивали на них одежду.

Собек, проводив Вшебора, имел явное намерение кое-что рассказать ему и спросить самому, но он удержался и даже приложил палец к губам в знак молчания. В хате были еще другие жильцы, и говорить было небезопасно. Только по выражению лица старого слуги Вшебор мог догадаться, что ему не особенно нравился этот двор. Собек сказал ему, что идет к лошадям, а Вшебор, задвинув деревянный засов на ночь, в задумчивости уселся перед огнем.

О многом надо было ему подумать.

На всем, что он здесь видел, лежала печать дикой, но несомненной силы, с которой по численности ее не могло сравняться пястовское рыцарство, хотя бы оно и противопоставило ей смелость и мужество.

В ушах у него звучали еще крики и возгласы пирующих, песни гусяров и жалобный плач сумасшедшей старухи, нарушившей веселье, он вспомнил все, что говорил ему Маслав, и сердце его сжалось печалью и тревогой. Неужели и им

суждено было покориться звериной силе этого человека, отрекшегося от веры и стремившегося обратить народ в прежнее варварское состояние?

Вспомнилось ему и Ольшовское городище с горсточкою укрывшихся в нем людей, которых ждала верная гибель, потому что не было средств к спасению их.

Так раздумывал он, когда вдруг рядом с ним послышался чей-то жалобный голос. Вшебор замер на месте, боясь пошевелиться, и стал прислушиваться. За тонкой деревянной перегородкой шел какой-то отрывочный разговор. Вшебор различил женский голос. Он потихоньку подвинулся ближе к перегородке и приложил ухо. Теперь он ясно слышал женский жалобный голос и другой, все время прерывавший и заглушавший его.

Подойдя вплотную к стене, Вшебор только теперь заметил, что в ней было отверстие в форме окна, соединявшее между собою обе половины хаты. Отверстие это было закрыто деревянным ставнем. Долива попробовал осторожно отодвинуть едва державшийся, сохшийся ставень, и он легко поддался его усилиям. Таким образом, через образовавшуюся широкую щель он уже мог заглянуть в соседнюю горницу и рассмотреть, что там делалось.

Сначала, пока глаз не привык к полумраку, царствовавшему в обширной горнице, освещенной только слабым отблеском догоравшего пламени, он не различал ничего. Но, всмотревшись внимательнее, он заметил две женские фигу-

ры, из которых одна сидела на земле, а другая стояла над ней. В первой из них Вшебор узнал ту старую помешанную, которая ворвалась во время пира. Теперь она сидела на земле, на соломе, успокоенная, изменившаяся, обхватив руками колени. Дрожащий свет пламени падал на ее сухое, морщинистое лицо. Вшебору показалось, что на глазах ее блестели слезы.

В грубой рубахе, едва прикрывавшей ее тело, полуобнаженная, она сидела, устремив взгляд в огонь, и покачивалась всем туловищем, как плачущая, причитающая над покойником.

Другая женщина, стоявшая над ней, молодая, стройная, красивая и нарядно одетая, смотрела на старуху с выражением скуки и равнодушия. Не было в ее лице ни сострадания, ни участия, а только нетерпение и досада.

– Послушай-ка, ты, тетка Выгоньева, – говорила она, наклонившись над ней, – ты своим безумием доиграешься до того, что тебя бросят в яму и заморят голодом. О чем ты думаешь? Что ты забрала себе в голову?

Старуха даже головы не повернула к говорившей. Она, по-прежнему покачиваясь, смотрела в огонь и, казалось, не слышала обращенных к ней слов.

– Ты должна поблагодарить меня за то, что тебе не дали сегодня ста розог. Князь был в бешенстве.

При имени князя старуха слегка повернула голову.

– Что он говорил? – спросила она.

– Сто розог старой ведьме! – отвечала молодая женщина, поправляя волосы на голове – Сто розог дать сумасшедшей

бабе!

– Это он так говорил? Он? – с расстановкой спросила старуха. – И справедливо, справедливо! Почему нет у бабы разума? – язвительно пробормотала она.

– Ага, видите, вот вы и сами говорите! – подхватила молодая.

– И не будет у нее разуму, хотя бы дали ей сто и даже двести розог.

– Что это вы выдумываете, – начала другая, – зачем застываете дорогу князю? Если бы он был такой злой, как другие, да он давно велел бы вас повесить!

– Ну, что же! – сказала старуха. – Пусть прикажет, и пусть вешают.

Она опустила голову и после небольшого молчания затянула охрипшим голосом:

Люли, малый, люли
На руках матуни.
Спи, детка золотая,
Молочком вспоенная,
Кровью моей вскормленная,
А живи счастливо,
Люли, милый, люли.

– Так я певала ему, когда кормила его вот этой самой высохшей грудью, – прибавила она, судорожно раздирая на груди рубаху, – а теперь! Повесить старую суку! Сто розог ведь-

ме! Эй, эй, вот как он вырос мне на счастье!..

Старуха оперлась на руку и задумалась.

– Ну, что же в том, что вы кормили его грудью? Если бы даже так и было, – заговорила молодая, топнув ножкой о землю. – Разве мало мамок кормит чужих детей, когда нет матери.

– Мамка!!! – крикнула старуха, подняв на нее грозный взгляд. – Ты, ты, кто ты такая, что смеешь меня называть мамкой? Не была я мамкой никогда! Ты позволяешь себя целовать, хотя и не жена... на то ты такая уродилась, а я прикладывала к своей груди только собственное мое дитя! Ах ты негодница.

Молодая женщина в гневе отскочила от нее прочь.

– Ах ты, старая ведьма, страшилище проклятое! А тебе какое до меня дело? Ты видела, как он меня целовал?

– Кто и не хочет, так увидит, у тебя на лице написано, – заворчала старуха, откидывая седые волосы. – Ну-ка, посмотри на меня, написано ли на моем лице, что я могла кормить чужое дитя?

– Там написано, – рассмеялась молодая, – что домовый взял у тебя разум и спрятал его в мешок, вот что! Но, смотри, старая, ты дождешься того, что тебя повесят...

– Ну, что же, хоть ветер высушит мои слезы! – забормотала старуха.

Она умолкла, и голова ее снова стала покачиваться из стороны в сторону ритмическим движением... Молодая, надув-

шись и нахмутив брови, стояла над ней.

– Меня прислали к вам в последний раз, – заговорила она. – Поумнеете ли вы наконец или нет? Сидите спокойно, тогда доживете без печали до смерти, и ни в чем не будет у вас недостатка... Вы и так не можете ходить... Разве вам плохо в хате? Дают вам есть, пить и все, что душа захочет. Есть у вас лен для пряжи, прядите, сколько сил хватит. Не холодно, не голодно! Чего вам еще? Сидели бы смиренно.

– Для вас, Зыня, было бы этого довольно, только бы еще парень приходил, – заговорила старуха. – А я взаперти и без солнца не выживу здесь... Нет!

– Уж, конечно, – прервала ее Зыня, – если бы вам открыли дверь, как сегодня, когда слуга забыл ее закрыть, вы побежали бы пугать людей и лезть князю на глаза.

– Потому что у меня есть на то право. Слышишь ли ты, бесстыдная ветреница?! – крикнула старуха. – Я имею право быть там, где он. Сидеть там, где он сидит, и ходить, куда он пойдет... Понимаешь?

Зыня разразилась язвительным смехом.

– Видно, старухе надоела жизнь!

– Ой, надоела, надоела! – повторила старуха, обращаясь не то к огню, не то к самой себе. – Зажилась я на свете, все глаза выплакала, руки поломала, всю грудь от стонов разбило мне. Не мила мне жизнь, ой, не мила! А тебе, бесстыдница, не желаю ничего, ничего, только моей судьбы и моей старости!

Зыня невольно вскрикнула... Ее напугали эти слова, которые старуха произнесла, как проклятие.

– За что же вы мне этого желаете? За что вы меня проклинаете, – возразила она, – разве я по своей воле так говорю... Я делаю, что мне приказывают...

– Уж молчала бы лучше, – прервала ее старуха.

Зыня отступила от нее на несколько шагов и принялась ходить по горнице. Выгоньева даже не взглянула на нее. Несколько раз молодая женщина бросала на нее боязливый взгляд, но та не оглянулась и не промолвила ни слова. Старуха, погруженная в свое горе, казалось, ни о чем, кроме него, не хотела знать. Слезы, высохшие было на ее щеках, потекли снова.

В то время все боялись старых ведьм и их колдовства, и этим объяснялось то, что Зыня, услышав проклятие старухи, теперь старалась как-нибудь умиловить ее, чтобы она не произнесла над ней заклятья.

Покружившись по горнице, Зыня присела на полу возле старухи и изменившимся голосом заговорила:

– Ну не сердитесь на меня. Чем же я виновата? Меня посылают, и я должна идти. Зла я вам не желаю, а говорю вам для вашей же пользы. Вы сами себе портите жизнь. Сидите спокойно – и вы будете счастливы.

Выгоньева повернула голову.

– Счастлива? – повторила она. – Я счастлива? Счастье и дорогу ко мне потеряло. Не брещи, брехунья, а лучше по-

малкивай.

Она отмахнулась от нее рукой, а испуганная Зыня отодвинулась от нее подальше.

Огонь угасал в очаге, молодая женщина встала и подбросила в него несколько щепок. Она уже не пыталась больше заговаривать со старухой и молча ходила по горнице, бросая на Выгоньеву тревожные взгляды.

– Дать вам воды? – спросила она.

Выгоньева затрясла головой.

– Может быть, меду?

– Дай ты мне яду, – шепнула старуха, – да такого, чтобы скоро убивал, долго не мучил. Принеси мне дурману, приготовь зелье. Вот за это я тебя поблагодарю!

– Рехнулась старуха, – тихо пробормотала Зыня.

Наступило молчание, а так как и во дворах и в замке князя все уже спали, то в наступившей тишине можно было уловить малейший шорох. Вшебор, с любопытством наблюдавший и прислушивавшийся, услышав быстрые и нетерпеливые шаги вблизи хаты, испугался, уж не к нему ли кто-нибудь идет...

В эту минуту широко раскрылись двери, которые вели в помещение женщин, кто-то вошел к ним и торопливо задвинул за собою засов. Старая Выгоньева устремила на вошедшего пристальный взгляд, а молодая женщина, словно испуганная, отбежала в дальний угол, вся зарумянившись.

Вошедший стоял в тени и не был виден Вшебору. Но вот

он очутился в полосе света и остановился перед старухой, которая, вскрикнув и подняв руки кверху, распростерлась перед ним лицом к земле. Это был Маслав в простом плаще поверх одежды, с гневным и беспокойным выражением лица.

Он стоял, не будучи в силах вымолвить слово, потом оглянулся вокруг и дал знак Зыне, чтобы она вышла. Испуганная девушка, пробираясь вдоль стены, осторожно приблизилась к двери, выскользнула из нее и исчезла.

Старуха, подняв голову, заплаканными глазами смотрела на Маслава. На ее лице сменялись выражения радости, гнева, отчаяния и счастья. Маслав стоял перед ней разгневанный, но и встревоженный в то же время.

– Послушай, старуха, – заговорил он слегка охрипшим голосом. – Я сам пришел к тебе, чтобы еще раз сказать тебе, береги свою голову! Маслав терпелив до поры до времени, но в гневе – хуже бешеного волка. Велит засечь, прикажет убить!

– Говори, – шепнула старуха. – Я хоть послушаю твой голос, говори еще! Я дала тебе жизнь, а ты мне за это дашь смерть!

– С ума сошла баба! – крикнул Маслав. – Как ты смеешь называть меня, княжеское дитя, своим сыном? Ах ты!

– Говори, сынок, говори, – сказала Выгоньева, – приятно мне слушать твой голос... Я всегда говорила над твоей колыбелькой, что ты заслуживаешь быть князем и королем!

Она протянула ему руку.

– Я называла тебя королем, я – старая помешанная! Вспомни, – тихо говорила она. – Вспомни только... Поцупай свой лоб... на правой стороне у тебя есть шрам... Ты был еще маленький тогда, упал и разбил себе голову о камень. Я, как пес, лизала тебе рану, а ты... укусил меня... это было предвещанием того, что будет с тобой и со мной... Я лижу твои ноги, а ты меня топчешь ими!

Старуха закрыла лицо руками и залилась горькими слезами. Маслав все стоял. Вшебор видел, как он бледнел, как менялось у него лицо, как он слабел и снова овладевал собою.

– Плетешь ты небылицы, старуха! – сказал он. – Нет у меня никакого шрама на лбу, и я не знаю тебя! Мне только жаль тебя... Хочешь уцелеть, так сиди себе смирно и молчи. Придержи язык за зубами и не смей говорить, что ты – моя мать.

Помолчав, он прибавил тихо:

– Если бы ты была моей матерью, ты бы не портила мне жизнь, не стыдила бы меня перед людьми. Я – князь и князем буду... а ты – пастухова вдова.

– А ты, милый мой князь, пастуший сын! – печально сказала старуха. – Лучше бы тебе было ходить с бичом за корами, чем приставлять меч к чужому горлу, чтобы потом подставить свое горло другим! Что тебе это княжество, ну что?

Маслав бормотал что-то, чего нельзя было разобрать.

– Будешь ли ты молчать? – спросил он.

Выгоньева задумалась.

– Выпустите меня отсюда, – печально вымолвила она, – я уйду и буду молчать. Не скажу никому, что ты – мой сын. Будь себе королем, если хочешь! Но выпусти меня на свободу! Туда, в старую хату, пустите меня, пустите! Пусть глаза мои не видят, сердце не обливается кровью... Не скажу никому, только пустите меня.

Она стала на колени и руки сложила. Маслав, нахмутив брови, пощипывал рыжеватую бородку.

– Что тебе, плохо здесь? Не хватает только птичьего молока! Ты вернешься на черный хлеб и нужду, а сама все равно не выдержишь, будешь свое болтать... Нет... нет!

– Тогда прикажи убить меня! – говорила старуха. – Пусть убьют разом, как умеют это твои люди. Я с ума сойду в неволе, я к ней не привыкла... Я дала тебе жизнь, а ты возьми мою.

С плачем она упала на землю, но потом быстро подняла голову и начала жадно всматриваться в Маслава. Видно, какая-то мысль вдруг пришла ей в голову, она делала усилие, чтобы подняться. Князь отступил от нее, но она, с трудом поднявшись, вперила в него взгляд, точно забыв о себе. Глядела на него и не могла наглядеться. Взгляд ее пронизывал князя, и он с беспокойством отшатнулся от нее.

– Постой, – промолвила она, – я ни о чем тебя больше не прошу, дай только насмотреться! Так давно я не видела тебя! А, а, вот что из него вышло! Как тело-то побелело! Как выросло дитя! Каким важным паном стал мой сын! Думала

ли я, нянча его на руках, что выращу такого богатыря!

Она медленно приближалась к нему. Лицо ее из гневного становилось умиленным, вот она упала на колени и, охватив его ноги, стала целовать их. Маслав дрожал, как в лихорадке.

– Князь мой, голубок мой, уж не совы ли выели твое сердце, не вороны ли выклевали твои очи? Ты не знаешь своей матери? Ох, золотой ты мой, ничего я не хочу от тебя,пусти ты старую на волю. Меня здесь душат эти стены, не дают мне шагу ступить, слова вымолвить не позволяют... Сжался ты надо мной!

Когда она кончила говорить, князь быстро повернулся и пошел к дверям. С порога он обернулся к ней.

– Не глупите, если хотите остаться целой! Я вам это в последний раз говорю. Сидите, где вам велят, слышите?

Послышался шум отодвигаемого засова. Старуха, как лежала на земле, у ног его, так и не двинулась с места, закрыв лицо руками и распростершись на земляном полу.

Она еще лежала и плакала, когда вошла еще женщина, но не Зыня, а старуха в грубой и бедной одежде, с засученными по локоть рукавами, с растрепанными волосами, прикрытыми грязным платком, на вид еще крепкая и сильная. Нахмурившись, она смотрела на лежавшую.

– Эй ты, слышишь? – громко закричала она. – Пора тебе на покой, старая ведьма! Довольно этих глупостей!

Говоря это, она обхватила старуху сильными руками, приподняла ее и бросила без всякого сопротивления с ее сторо-

ны на соломенную подстилку в углу. Потом сняла с гвоздя сермягу, покрыла ее, постояла еще и пошла затушить огонь.

Вшебор, не слыша больше ничего, кроме глухих стонов и храпа, задвинул ставень. Испугавшись, как бы завтра не догадались, что он мог подслушать, он повесил на ставень свое платье и улегся в углу на приготовленную ему постель.

На другой день, чуть свет, кто-то постучал в дверь. Вшебор открыл ее и увидел Собека, который пришел развести огонь. В замке уже начиналось движение. В то время день начинался с рассветом и кончался с наступлением сумерек. Когда Вшебор открыл ставень у окна, выходявшего на двор, он увидел, что Маслав был уже на коне посреди двора и сам ставил своих людей, подбирая их по росту. Осматривал оружие, а тех, что сидели на конях, заставлял гарцевать перед собой.

Войско это, набранное отовсюду, необученное еще и дикое, казалось все же отважным и способным к выучке. Теперь ему еще не с кем было воевать, потому что рыцарство короля разбежалось во все стороны, а с чехами, превосходившими их в числе и отлично вооруженными, они еще не решались помериться силами. Казалось, Маслав готовился к борьбе, которую он предвидел в будущем. В окно было видно, как князь, объезжая новые полки, то обращался с ними по-княжески, то вдруг, забыв, кто он, превращался в простолюдина, каким он и был, и в гневе своем давал волю рукам, уча непонятливых.

Вшебор и Собек, стоявшие за ним, наблюдая эту сцену, покачивали головами. Старый слуга то улыбался невольно, то хмурился. Грозный и крикливый голос князя долетал и до них.

Так, молча, стояли они некоторое время, пока Собек не отвел Вшебора в сторону, тихо говоря ему:

– Нам тут нечего долго оставаться... осмотритесь... и едем назад... Вы уже видели, что у него есть... Это все, что нам надо было знать.

– У него большая сила, а у нас никакой, – вздыхая, возразил Вшебор.

– А мы все же не пристанем к нему, – шепнул старик. – Своими глазами видели то, о чем люди рассказывали... Нам тут нечего больше делать.

Вшебор только кивнул утвердительно головой.

В дверь постучали, и с поклоном вошел Губа.

– Во дворе собраны люди, из которых вам надо выбрать дружину для князя, – сказал он. – Кладовая открыта. Князь велел всем слушаться нас. Вас ждут.

Долива волей-неволей должен был следовать за Губой.

Во дворе стояла толпа избранной молодежи, молодец к молодцу, с веселыми лицами, крепкие и самоуверенные. Все они были оторваны от плуга и секиры, не обучены и не усмирены, как дикие кони, только что взятые из табуна.

Долива сначала осмотрел их всех, потом начал выбирать. Одни шли охотно, другие убегали, но тут же стоял Губа с

дубинкой в руке, и никто не смел послушаться.

Скоро дружина князя была подобрана, и Вшебор повел ее к вчерашней избышке, где было собрано платье и оружие и где ждал их старый надсмотрщик. Всего было здесь вдоволь, но подобрать для всех одинаковую одежду и вооружение не было возможности. Награбленное из разных домов и от разных хозяев добро лежало кучами без всякого порядка, и очень трудно было подобрать более или менее сходную одежду для всех. Не успел еще Вшебор покончить с этим, как его позвали к княжескому столу. Здесь снова были прусаки, которых приветствовали еще более шумно, чем накануне и с которыми ударили по рукам в знак вечного союза.

Вшебор наблюдал издали за этим братаньем и слышал, как кунигас рассказывал Маславу, сколько у него войска, и уславливался с ним относительно дальнейших походов. Маслав не скрывал своих планов и намерений.

– С Пястами у меня еще не покончено, – говорил он кунигасу.

– Их нет в стране, мы их выгнали, но они заодно с немцами и могут вернуться вместе с ними. Чернь вырезала рыцарство и подожгла их замки, но вся эта погань только разбежалась, а как только оправится, снова соберется вместе. Это еще не конец! Еще есть много нетронутых замков, и не все головы попадали с плеч...

Вшебор побледнел, услышав эти слова и заметив, что Маслав, произнося их, взглянул на него. И так, завязывалась

дружба с пруссаками, а старая вера и языческие боги брали верх над христианством.

Мед шумел в головах, и шум увеличивался. Пир продолжался до самого отъезда кунигаса, которого Маслав и его приближенные проводили во двор, где стояли кони. Когда пруссаки, сев на коней, выезжали из замка, множество народа и гусяры с приветственными кликами провожали их за валы.

Вшебор стоял, глядя вслед отъезжавшим и прислушиваясь к разговорам толпы, когда Маслав подозвал его к себе и велел привести к нему напоказ подобранную им дружину. Он тотчас же пошел исполнять приказ, но в это время в те двери, через которые он хотел выйти, вошло новое посольство, и князь взглядом приказал ему остаться.

Новоприбывшие имели еще более странный вид, чем дикие, но воинственные прусские послы. Это была толпа черни, посланная в качестве депутатов от разбойничьих шаек взбунтовавшихся крестьян, грабивших страну. В окровавленных сермягах, с разгоряченными и возбужденными медом и пивом лицами они ворвались со смехом и шумом, без всякого почтения к княжескому двору.

Начальник их, высокий детина, на голову выше всех остальных, с густыми, падавшими ему на плечи волосами, увидев Маслава, снял не спеша баранью шапку и слегка склонился перед ним. Ни он, ни его товарищи, весело поглядывавшие вокруг, не испытывали ни малейшего страха в этой

торжественной обстановке княжеской столовой... Опустошения, которые они чинили по всей стране, научили их ничего не ценить, они чувствовали свою силу...

– Ну, вот мы пришли к вам, князь наш, – заговорил начальник, – посоветоваться и порадовать тебя. Ты наш! Ты наш!

И вся толпа весело замахала шапками, приветствуя его громкими восклицаниями. Маслав хмурился и молчал.

– Там, за Вислой, мы уж очистили тебе почти весь край. Иди и наводи порядок... Восстанови старые храмы, верни старых богов немцам их богам на погибель!

Снова раздались крики, и шапки полетели вверх. Оратор погладил бороду и огляделся вокруг.

– Рыцарей и немецких ксендзов нет больше нигде, и замков уже немного осталось, и те мы возьмем голодом или разнесем в щепы... но с чехами мы не можем справиться. Это, милостивец, твое дело. Если хочешь княжить, надо от них избавиться...

Все, окружавшие посла, кивали головами, подтверждая его слова. Маслав слушал.

– Рыцарей нет больше? – спросил он.

– Да все равно что нет, – смеясь, отвечал посол, – хоть некоторые еще прячутся по лесам, но придут холода, морозы – волки и тех доедят.

– А замки спалены?

– Если где и остались еще, то недолго продержатся, – воз-

разил посол.

– Вот только один есть поблизости, с тем мы, пожалуй, и справимся. Если бы нам дали воинов на помощь, нам было бы легче овладеть им.

– Что же это за замок? – спросил Маслав.

И вся толпа, перебивая друг друга, закричала в ответ:

– Ольшовское городище!

Вшебор почувствовал, как вся кровь бросилась ему в лицо.

– Окопались там собачьи дети, – продолжал оратор. – Защитились машинами и так крепко держатся, что их трудно взять. Голод их изведет, это правда, но что хорошего? Там женщин много, они бы намгодились. А за это время похудеют, запасы все поедят. А вдруг придут чехи, возьмут их и ограбят? Там большие богатства собраны, жалко будет потерять.

– Ольшовское городище? – еще раз спросил Маслав.

Посол указал рукой в ту сторону, где оно было расположено.

– Дайте нам людей, – сказал он. – Если мы бросимся со всех сторон на валы, они не выдержат... Если поделимся хотя бы пополам, там хватит богатства на всех. Туда свезли сокровища со всех сторон, да и сам Белила имел достаток... Надо истребить это гнездо без пощады.

Маслав несвязно бормотал что-то. Послам от черни принесли пиво, и тут же началось угощение. Все взяли по куб-

ку и с поклонами обратились к пану, принимавшему их у себя, но сам пан был не весел: не по нраву ему была бесцеремонная простота простого народа. Да и они, поглядывая на этого «своего» князя, видимо, не очень им восхищались. Он казался им слишком высокомерным и чересчур походил на прежних панов. Вшебор, который уже собирался уходить, услышав, что началось обсуждение готовившегося совместного нападения на Ольшовское городище, остался послушать, к какому решению придут.

Трудно было разобрать что-нибудь в общем говоре и шуме. Из толпы то и дело вырывались отдельные голоса, заглушавшие говорившего и прерывавшие рассказ. Вшебор понял только одно, что послы старались разжечь в Маславе жадность, описывая ему собранные в замке сокровища, но князь гораздо менее интересовался добычей, чем местоположением замка и численностью охранявших его людей.

Но одним эти силы казались далеко превосходящими их собственные по той причине, что принудили их к отступлению, другие же стирались доказать противное. Таким образом, нельзя было установить точное количество защитников. В одном только все были согласны – именно в том, что в городище схоронилось много рыцарей и уж ради этого следовало взять замок, чтобы эти опасные люди как-нибудь не выбрались оттуда и не спаслись.

Для Маслава тоже было гораздо важнее избавиться от тех, кого он считал своими злейшими врагами, чем овладеть бо-

гатой добычей. Когда толпа, угостившись и нашумевшись вдоволь, удалилась, милостиво отпущенная князем, Маслав, утомленный, опустил на скамью, а Вшебор, воспользовавшись тем, что день уже сменился вечером, побежал под предлогом взглянуть на коней по направлению к конюшням – искать Собека.

Как при Болеславе – замок и дворовые постройки были полны рыцарства, так теперь при Маславе все было полно простым людом, который надо было поить и кормить. Около храмов – гусяры и певцы, на валах – воины, а в обоих дворах – толпы народа, стекавшиеся со всех сторон на поклон и располагавшиеся здесь лагерем. Трудно было даже пробраться среди этих шалашей, деревянных балаганчиков, сараев и повсюду разложенных костров. Слышались пение и смех. Кое-где производилась купля и продажа еще окровавленной одежды и дорогих материй, награбленных по шляхетским усадьбам.

Вшебор, минуя все эти группы, добрался до сарая, где он еще издали заметил Собека, но и здесь сновала челядь и надсмотрщики за стадами коней и рогатого скота, так что трудно было поговорить без опаски.

Сделав знак старому слуге, Долива повел его за собою в ту сторону, где на валу почти не было народа.

Проведя его в безопасное место, Вшебор сказал ему:
– Ваша правда, нам надо скорее возвращаться. Сейчас только приезжали посланные к Маславу, требуют от него по-

мощи, чтобы взять Ольшовское городище. Мы должны предупредить наших об опасности и быть уж среди них для защиты замка. Может быть, удастся вырваться оттуда заранее!

Собек хлопнул в ладоши.

– Но как же выбраться отсюда? – спросил Долива. – И попасть-то сюда было нелегко, а уж выйти – еще труднее.

Старик беспокойно задвигался.

– Мне-то легко отсюда уйти, – сказал он, – когда захочу, тогда и уйду, и никто меня не спросит, вам хуже.

Он покрутил головой.

– Вот потому-то я вас и спрашиваю, – сказал Вшебор.

– Вы старайтесь только выбраться в лес за Вислу, – сказал Собек, – а там уж мое дело вывести вас дальше.

Долива подумал немного.

– В эту ночь? – спросил он.

– А чего же нам ждать? Они еще могут заподозрить нас.

Пока они так совещались, наступил вечер, и Вшебор должен был вернуться в замок, чтобы показаться на глаза Маславу. Решено было бежать в эту же ночь.

Долива, допущенный к князю за получением приказаний, нашел его полусонным от меда и пива и не расположенным к каким-либо разговорам. Он только знаком дал ему понять, что хочет отдохнуть. Вшебор тотчас же вышел и пошел в свою хату во дворе. В этот вечер никто не приходил за ним и не заглядывал к нему в горницу.

На другой день утром князь вышел к своим людям, чтобы

сделать смотр вооружению воинов и их коням. Вернувшись к себе, он приказал позвать охмистра.

Ждали, что он займется обмундированием новоизбранной дружины, но нигде не могли его найти. Хата, где он обретался, была открыта настежь, и огонь в очаге давно выгорел. Никто не видел, как он входил в нее.

Люди князя разбежались искать его, но прежде всего заглянули в конюшню: ни Собека, ни лошадей их там не было.

Известие о том, что Вшебор исчез, привело Маслава в ярость. В погоню за беглецами были посланы самые надежные слуги и кони. Князь клялся, что не пощадит ни одного рыцаря, хотя бы тот в ногах у него вымаливал прощенье.

На него напал какой-то непонятный страх. Он целый день провел на валах, поджидая, не привезут ли тех, за которыми была отправлена погоня. Для них уже была приготовлена виселица.

Только к ночи стали возвращаться посланные с известием, что Вшебор исчез без следа. Паромщики на Висле клялись, что ночью никто не переезжал на тот берег Вислы и никто в окрестностях не видел всадников. Несколько дней искали их следов по обеим сторонам реки. Все было напрасно.

Губа ходил в храм к гадалеям, чтобы они сказали ему, где искать беглецов. Но каждый из них указывал по-разному.

Нескоро еще все успокоилось в Плоцке. Но приезд новых посланных, совещания с ними и приготовления к походу стерли понемногу воспоминание о Вшеборе. Готовились в

поход на Ольшовское городище. Люди Маслава должны были соединиться с окрестными жителями, обложить замок и принудить его к сдаче.

VI

В то время как в Плоцке Маслав при одном воспоминании о Вшеборе Доливе бил кулаками по столам и по лавкам, грозя мщением, издеваясь над своим товарищем, понося его и ругая шляхту, подославшую к нему изменника, чтобы разузнать его тайны, Вшебор вместе с Собеком, переправившись ночью вплавь через Вислу в том месте, где они раньше заметили брод, забирались все глубже и глубже в чащу леса, подальше от лесных дорог и постоянно меняя направление, как звери, преследуемые охотниками и сбивающие с толку собак. Так, не жалея лошадей, ехали они до тех пор, пока не выбрались на более безопасное место. Старый Собек был в этом случае большою помощью для Вшебора, потому что у него был инстинкт лесного жителя, который никогда его не обманывал. Он узнавал дорогу по коре деревьев, направлению ветра, а ночью по звездам.

Однако, заботясь прежде всего о том, чтобы замести следы и обмануть преследователей, он в конце концов очутился в совершенно незнакомом месте. Он не боялся заблудиться, но боялся прибыть слишком поздно в Ольшовское городище.

Была поздняя осень, и трудно было прокормить коней, которые вынуждены были питаться иногда молодыми побегами. В этот первый день бегства они достигли только того, что забрались в болота, поросшие густой зарослью, где они чувствовали себя в безопасности. На ночь расположились на лужку между деревьями, не позаботившись даже о том, чтобы сложить шалаш: не было ни времени, ни желания. С коней сняли сукно, служившее им вместо седел и, установив по очереди ночную стражу, расположились на отдых до утра.

На рассвете Собек напоил коней и произвел разведку местности, соображая, как выбраться отсюда. Пришлось прибегнуть к способу отыскивания направления по коре деревьев. Старый слуга поехал вперед, внимательно разглядывая дорогу и стараясь выяснить, какой стороны следует держаться.

Было уже около полудня, и лесная чаща, видимо, начинала редеть, указывая на близость поляны и ручья. Они съезжали с небольшого холма, когда Собек вдруг задержал коня и, знаком наказывая Вшебору молчание, остановился на месте. С той стороны, где лес кончался, слышался шум голосов, ясно указывавший на то, что там было довольно большое собрание людей.

Страх овладел стариком: кто же мог так блуждать толпою, как не чехи или чернь, скитавшаяся по всей стране, разорявшая и грабившая города и усадьбы? Попасть к ним в руки, спасшись от Маслава, было бы гибелью. Лицо Собека по-

крылось смертельной бледностью. В первую минуту он совершенно потерялся и не знал, что делать дальше.

В том месте, где они стояли, широкие стволы деревьев и разросшиеся на опушке леса кусты скрывали их, но малейший шорох мог их выдать. Собек тихо сошел с лошади и привязал ее к дереву, его примеру последовал и Вшебор. Пешему не грозила такая опасность, как конному. Оба стали тихонько прокрадываться к тому месту, откуда доносился шум голосов. Они стояли на холме, укрытые за деревьями. У подножия холма протекала маленькая речка, а в долине, расстилавшейся перед ними, они заметили довольно большой лагерь, окруженный возами. На лугу паслись стреноженные кони. В центре лагеря возвышалось несколько палаток, в наскоро выкопанных ямах были разложены костры, а возле них суетилась вооруженная челядь. Можно было различить фигуры нескольких мужчин в рыцарских доспехах, переходивших от одной палатки к другой. Еще несколько лежало на разостланной на земле подстилке. Все они были хорошо вооружены, а между ними, на воткнутом в землю древке, развевалось знамя, но такое смятое и порванное, что невозможно было различить, кому оно принадлежало. Вшебору и Собеку одновременно показалось, что это должны быть чехи, но, прежде чем они успели отойти назад, чьи-то сильные руки обхватили их сзади и повалили на землю. Вшебор, вспомнив про меч, висевший у него за поясом, собирался защищаться и уже столкнулся с себя двух нападавших, но, нечаянно

заглянув им в лица, узнал в них слуг своих знакомых магнатов, а те тоже узнали его.

Люди, принявшие Вшебора благодаря его крестьянской одежде за простолюдина и повалившие его на землю, были слуги Шренявы. Собека опрокинул высокий детина, бывший оруженосцем у одного из Яксов.

– Что вы тут делаете? – крикнул Вшебор. – Это ваш обоз? Слуги только указали на него рукой.

Обрадованный Вшебор, меньше всего ожидавший встретить своих, неожиданно очутился среди них. Он даже не думал, что разбитое рыцарство могло где-нибудь собраться в таком большом количестве. Оставив коней Собеку, он поспешил к этому лагерю, который был ему как будто послан с неба. Значит, были еще люди, которые, не потеряв надежды, собирались вместе и держали совет.

Чем ближе он подходил к обозу, тем сильнее была его радость. Отряд не был особенно велик, но все же вместе с челядью и оруженосцами он составлял около ста человек. И все знатные рыцари, из которых он состоял, имели хорошее, крепкое вооружение и далеко не выглядели такими истощенными, как Лясота и Тонорчик, которых он встретил раньше на дороге.

В лагере была тишина и порядок, а захват Вшебора доказывал, что спуск в долину заботливо охранялся.

Глубоко растроганный Вшебор, перейдя через речку, по переброшенному через нее бревну, возблагодарил в душе

Бога и почти бегом пустился к расположившемуся здесь лагерем рыцарству. Его заметили уже издали, и так как он был плохо одет и его сразу не узнали, то сначала поднялась суматоха. Воины торопливо поднимались с земли, а некоторые хватались за оружие, но человек, стоявший на сторожевом посту, присмотревшись к Вшебору, с криком бросился к нему навстречу.

Это был прежний товарищ Доливы, служивший вместе с ним в Казимировой дружине, Самко Дряя, друживший с обоими братьями и которого они оба потеряли из вида, когда королевич был изгнан из края и вся его дружина распалась.

– Вшебор!

– Самко! – крикнули оба, с протянутыми руками бросаясь друг к другу.

На этот призыв все, кто был поближе, подошли и окружили их, забрасывая вопросами.

А из большой палатки вышло несколько человек, вероятно, предводителей отряда, к которым и повели Вшебора.

Первый, кого он увидел, был старый, седой, почти восьмидесятилетний старик Трепка, помнивший еще времена Мешка Первого. Старик сидел на бревне, покрытом шкурой, весь сгорбившийся, зябко кутавшийся в кожух и все-таки трясающийся от холода, а подле него стояли два его сына, за ними Яксы, Каневы, Шренявы и знатнейшее рыцарство Болеслава, Мешка и Рыксы. Все это были остатки блестящих полков когда-то великолепного королевского двора: жупаны, владыки,

воеводы, подкомории, о которых Вшебор даже не знал, что им удалось спастись. Тем менее ожидал он встретить их всех вместе, потому что ходили слухи, что те, кто уцелел, бежали за границу и там скитались, ожидая смерти.

И прежде всего Вшебор поднял руку к небу, благодаря Бога за то, что позволил ему еще увидеть остатки собравшегося вместе и единомысленно действующего рыцарства.

И те тоже, увидев его, засыпали бесчисленными вопросами и тянули каждый к себе, радуясь, что их небольшой отряд пополнился еще одним спасшимся.

Тем, которые не знали раньше Долива и удивлялись, за что был оказан такой сердечный прием этому бродяге в крестьянской одежде, Дрыя и другие рассказали, кто он был и как назывался. Имя Доливы было у всех на устах.

В палатке стало так шумно, что нельзя было разобрать, кто и что говорит. Тогда старый Трепка, который, видимо, был здесь главным вождем и начальником, начал стучать посохом в землю и ударять в ладоши, призывая к порядку. Иначе невозможно было разузнать что-нибудь от Вшебора. Поглаживая рукою огромную седую бороду, старец начал спрашивать его, откуда он шел, как удалось ему спастись и не знал ли он чего-нибудь о других?

Долива рассказал им о своих несчастьях начиная от бегства из замка и встречи с Лясотой в Гдече и кончая прибытием в Ольшовское городище.

Не приписывая особого значения спасению женщин из

Понца, он даже не упомянул о них в своем повествовании и только, когда рассказывал о приеме их Белиной, назвал в числе других и двух женщин.

Его начали расспрашивать, кто они были, и Долива назвал пани Спыткову и ее дочь Катерину. Как только он вымолвил это имя, за спиной старого Трепка, с земли, на которой лежало какое-то существо, закутанное в кожану и плащи, слышался густой голос:

– Хвала Господу в Вышних!

Все взоры устремились в ту сторону, откуда слышался голос, и Вшебор увидел, как из-под покрывал, словно освобождаясь из пеленок, выглянуло бледное лицо и показалась жилистая рука. Окровавленные повязки, обвивавшие всю эту голову, оставляли свободной только небольшую часть этого угрюмого и печального лица: бледную щеку, налившийся кровью глаз и синюю, бессильно отвисшую губу.

– Кто этот старец? – спросил Вшебор Дрюю.

– Это же муж Спытковой, который чудом уцелел под грудю трупов и был вовремя спасен подоспевшими воинами, – тихо сказал Дряя.

– А нам сказали, что его рассекли на куски! – вскричал Долива.

– Да и немного прибавили, – сказал, услышав его, Спытек. – У меня нет ни одного живого места на теле; все изрублено, исколото и изрезано, а сколько из меня крови вытекло, другому хватило бы на всю жизнь!

Вшебор смотрел с удивлением на изрубленного владыку, который, в свою очередь, отдернув повязку, старался разглядеть его, но в эту минуту край палатки отогнулся, и Собек, ворвавшись, как безумный, огляделся по сторонам, а потом с криком радости упал на землю около своего пана.

Все умолкли при этом зрелище, и сам Спытек не мог ничего говорить и только бормотал несвязно:

– Хвала Богу, хвала Господу в Вышних.

Пока старый слуга вел в уголке палатки тихий разговор со своим паном, рассказывая ему обо всем, что пережили они с госпожою, все остальные снова обратились к Вшебору, спрашивая его об Ольшевском городище, но когда он между прочим рассказал, что был в Плоцке у Маслава в разведке и что теперь возвращался оттуда цел и невредим, снова поднялся страшный шум: любопытные так стеснили рассказчика, что Трепка должен был пустить в ход и посох, и плетку, чтобы призвать забывшихся к порядку.

Никто не хотел верить Вшебору, что он осмелился лезть в пасть волку, и ему пришлось сослаться на Собека как на свидетеля.

Тогда снова посыпались вопросы, что это был за человек, хотя почти все знали его и раньше, велики ли были его силы и что он замышлял. Все говорили о нем с ненавистью и ни одного голоса не раздалось в его защиту.

Когда Вшебор начал рассказывать о многочисленном войске, которое Маславу удалось собрать, снова все отказыва-

лись верить. В конце концов рыцарство, как всегда, заявило, что один хорошо вооруженный воин легко может разбить и уничтожить целую толпу таких сермяжных воинов, оторванных от земли и плуга.

– Слава Богу, что Его всеведение привело меня сюда, – сказал Вшебор. – Из одного милосердия вы должны идти в Ольшовское городище на помощь Белине и всем запертым в нем владыкам, иначе Маслав может каждую минуту явиться и овладеть замком...

Когда Вшебор сказал это, вдруг воцарилось молчание, которое продолжалось очень долго. Люди поглядывали друг на друга, спрашивая глазами, что ответить, но никто не решался заговорить первый. Долива был особенно поражен тем, что Спытек, лежавший на земле, хотя и слышал, о чем шла речь, и знал, что в замке схоронились его жена и дочь, не вымолвил ни слова.

Тогда он повторил еще раз, что с такими силами, какие были в лагере, смело можно идти на помощь осажденным, и неожиданным нападением на врагов разбить их и уничтожить. Но и на это предложение, кроме бессвязного бормотания, не последовало иного ответа. Глаза всех обратились на предводителя, и старый Трепка, покачав головой, сказал:

– Дай-то Господь, чтобы мы могли вовремя прийти на помощь осажденным замкам... но час еще не пришел. Дороже всех замков, дороже даже, чем кровь наших братьев, для нас – вся наша земля, королевство и святая вера, которую мы

приняли, и их надо спасать прежде всего!

Все стоявшие вокруг негромко заговорили, вторя ему. Старец продолжал свою речь:

– Если бы Маславова орда знала, что нас осталось еще несколько человек, то они постарались бы тотчас же рассеять нас и уничтожить. Но нас еще мало, и не время нам вступать с ними в борьбу, пока среди нас нет помазанного вождя, который вел бы нас вперед. Для нас теперь самое важное: тайно собрать значительные силы, вернуть государя, поставить во главе вождя, и только тогда мы будем в состоянии подумать об угнетенных и несчастных наших братьях.

Никто не ответил на это, потому что мнение старца, видимо, разделялось всеми остальными, но Вшебор, у которого лежала на сердце забота об участии осажденных в городище, заметил:

– Неужели мы дадим погибнуть нашим кровным, которые нам дороже всего! Ведь там весь цвет рыцарства, а если бы они были отданы на поругание Маславу, то это была бы непоправимая утрата.

– Прежде всего должны мы думать о спасении земли нашей и веры, – сказал старик. – Если мы будем думать о себе, то рано или поздно все попадем в петлю!

Он поднял обе руки кверху.

– Бог видит, нам дороги все наши! Все они нам родные – по крови, по вере, по духу и оружию, но земля и вера дороже нам, чем собственная кровь.

Снова одобрительно загудели голоса присутствующих. Вшебор, опустив голову, взглянул на Спытека, который, подняв кверху на говорившего свой налившийся кровью глаз, слушал с раскрытым ртом и трясущимися синими губами. Он был уверен, что Спытек вымолвит слово за своих. Но из глаз старика выступили не слезы, а капли крови и потекли по бледной щеке.

Старик молчал. Среди глубокой тишины тяжкий вздох вырвался из его груди. Медленно поникая израненным челом, он спрятал голову в изголовье постели. И все, кто смотрел на него, почувствовали, как он должен был страдать, и умолкли.

– Как вы решите, так пусть и будет, – сказал Долива. – Я знаю только то, что, отправленный из городища на разведку, я должен туда спешить обратно, чтобы хотя бы предупредить об опасности и отдать в их распоряжение мои руки и голову...

Никто не пробовал отговаривать его. В это время стоявший подле старого Трепки Болько Шренява спросил:

– А сколько же в замке народу?

– Сколько могло поместиться, – отвечал Долива, – ночью все лежат вповалку на земле в обоих дворах, так что невозможно пройти, не наступив кому-нибудь на руку или на ногу. Главная беда в том, что скоро исчезнет весь запас провизии.

Печально выслушали этот рассказ начальники отряда.

– Что же делать? – сказал Трепка. – Пусть сопротивля-

ются, сколько могут, спасенье придет для нас тогда, когда мы сами увидим перед собою лучшее будущее. Если бы мы теперь задумали оказывать помощь осажденным замкам, то вскоре и нас самих не стало бы.

Беседа снова оборвалась, и продолжались только перешептывания между отдельными лицами. Но, подумав немного, Трепка прибавил:

– Скорее от них надо было бы перетянуть к нам лучших людей, чем нам отдавать им своих. Бог один ведает, не заключается ли в этом нашем маленьком лагере все будущее этой земли и посев для будущего королевства.

Говоря это, он обвел странным взглядом всех присутствовавших, и они, тоже переглянувшись между собой, как будто тайно сговариваясь о чем-то, замолкли. Затем Трепка спросил у Вшебора имена осажденных, спросил также, сколько там было женщин, какую жизнь они вели там и как питались, но Вшебор, убедившись, что эти расспросы ни к чему не поведут, отвечал неохотно. Непреклонная суровость начальников отряда произвела на него такое тяжелое впечатление, что он потерял всякую охоту беседовать с ними и, сделав знак Собеку, вышел из палатки. Такая взяла его досада на них, что он решил, дав отдохнуть коню, тотчас же отправиться в дальнейший путь. Но Собек, выйдя из палатки и подойдя к Вшебору, взглянул на него со смешанным выражением страха и смущения.

– Нам пора в путь! – сказал Вшебор.

Собек пригладил волосы.

– Да, конечно, конечно, – пробормотал он.

Но сам он, говоря это, не двигался с места. Потом, после некоторого колебания, касаясь рукой его колена, спросил:

– А как же я брошу здесь моего израненного старого пана?

– А что же я сделаю без вас?! – крикнул Вшебор, с трудом сдерживая свой гнев. – Проведите меня в городище, а потом поступайте, как знаете. Вы обязались сделать это, и я могу силою принудить вас...

Собек с изменившимся лицом снова склонился к его коленям.

– Здесь есть кому заступиться за меня, – сказал он без гнева, – вы ничего не можете сделать со мною силою. Если вам нужно от меня только то, чтобы я указал вам дорогу, я это сделаю.

Вшебор в гневе отвернулся от Собека, не отвечая на слова. Он уж собирался идти за своим конем, когда к нему подошел Дрыя и, положив руку ему на плечо, сказал:

– Не сердись на нас! Мы тут не виновны. Старый Трепка правду говорит! Хоть бы сердце разорвалось, хоть бы там были у нас мать, жена, сестра, мы должны помнить о другом.

Долива сердито взглянул на него.

– О чем же, черт побери! О себе, что ли?

Дрыя нахмурился.

– Об этом говорили ясно, – сказал он. – Ты должен был понять!

– А я понимаю так, – возразил Вшебор, – что вы с вашей горстью людей страны не спасете, а того, что могли бы сделать хорошего, спасая людей, не хотите сделать.

– А если эта горсть – только начало? – сказал Дрыя. – Если с каждым днем к ней примыкают новые силы, и скоро она станет настоящим войском. А если из этой горсти выйдут те, которые несут нам избавление?

– Где? Откуда? – спросил Долива.

Дрыя, видимо, хотелось навести своего старого друга на верную мысль так, чтобы он сам догадался, но Вшебор не был так понятлив, и его всегда интересовало то, что ближе всего его касалось.

– Пойдем в мою палатку, – сказал Самко, взяв его за руку, – пока накормят коня, поешь и ты всего, чем я могу с тобой поделиться. И поболтаем с тобой, как прежде.

Преодолев свою досаду, Долива уступил уговорам Самка и вошел в небольшую палатку, которую тот занимал вместе с тремя товарищами. Вся обстановка странного жилища этого рыцаря была верным отражением переживаемого времени, когда человек возил за собой все, что ему удалось спасти, убегая от чешских орд. Были тут и необходимые для рыцаря вещи и то, что ему просто жаль было отдать грабителям, и то, что было для него одной обузой.

Рядом с седлами, сбруями, предметами рыцарского вооружения, раскрашенным шлемом и богатым оружием, на возу виднелась позолоченная посуда и лежали груды кожу-

хов и всякой одежды, стоял непочатый еще бочонок меда и уже начатая кадка с соленым лосиным мясом. Слуга возился с блюдами и мисками, потому что приближался час обеда. Паны уселись – один на куче одежды, другой – на бочонке, а обеденный стол изображала боковая решетка, снятая с воза и чем-то покрытая.

Вшебор был грустен, потому что перед глазами у него стояли все те, кого он оставил в Ольшовском городище и которых ждала смерть, а больше всех его мучило белое девичье личико. Одна мысль о том, что этот цветок может достаться первому попавшемуся негодяю, поднимала целую бурю в его душе, а кровь закипала в нем с такою силою, что он готов был погибнуть, защищая девушку, а саму ее убить, чтобы она не попала в недобрые руки.

Пока он обдумывал все это, Дряя, оглянувшись вокруг, заговорил:

– Не беспокойся, – тихо сказал он. – Старый Трепка не может говорить иначе о том, что близок час избавления.

– Какого же, какого? – подхватил взволнованный Вшебор.

– Нам нечего таиться перед тобой, и напрасно тебе не хотят этого сказать, – спокойно вымолвил Самко. – Мы со дня на день ожидаем к себе королевича и уже имели о нем известия.

Вшебор с удивлением взглянул на Дряю, а тот, склонившись к нему, продолжал:

– У нас оказалось столько рыцарей, что мы нашли кого

послать к королеве-вдове, умоляя ее отдать нам сына.

– Не спорю, – возразил Долива, – особа королевича и самый звук его имени – много значат. Но что же дальше? Уж если Маславу удалось один раз выгнать его, то он будет стараться и вторично избавиться от него угрозами или погубить его. А разве у нас хватит силы, чтобы вступить в борьбу с ним?

– Найдутся, – отвечал Дряя, и глаза его блеснули надеждой. – Император немецкий поможет ему, а кто знает, может быть, и с другой стороны придет помощь...

Он усмехнулся.

– И что же, королевич согласен? – спросил Вшебор. – Вы откуда знаете об этом?

– Вот видишь, – сказал Дряя, – нас здесь небольшая кучка, а все же кое-что мы делаем. Вчера вернулась часть слов, ездивших к королеве.

– Что же? С чем они вернулись?

– Пока ни с чем, – говорил Самко. – Королева, с позором изгнанная из страны, и слышать не хочет о королевстве, которое она называла языческим. Ее нашли в монастыре, потом у костела, который строят по ее приказанию... Сначала не хотела даже говорить с ними: «Я тружусь для иного королевства и для лучшего, – сказала она, – для того, которое обещал нам дать Иисус Христос. Не искушайте меня и не вводите в искушение мое дитя. Пусть лучше мирно прославляет Бога, чем будет обречен на несчастную жизнь вместе с

вами».

– Но ведь из этого ясно, – сказал Вшебор, – что там нечего ждать!

– Неверно судишь, потому что не все знаешь, – сказал Дрыя. – Наши послы – разумные люди: прежде чем идти к королевичу, они были у императора и получили обещание, что он им окажет милость и помощь, вернет корону, а с чехами вступит в борьбу.

– Если Бжестиславу дать свободу, то он скоро стал бы угрожать империи. Император и папа римский укротят его...

– И вы, и я, и те, что пошли к Казимиру, знаем его. Государь набожен, но он недолго выдержит в монашеской одежде, если только показать ему меч и пообещать царство. В нем потечет кровь Болеслава! Не удержит его ни привязанность к матери, ни страх, ни привычка к безделью. Это человек с великой душой, и если бы не мать, призвавшая его к себе, он ни за что не уступил бы Маславу власть.

– Все это, мой милый Самко, – со вздохом отозвался Вшебор, – далекие и сказочные надежды. Я еду от Маслава и видел сам, что там творится. Как возвеличился и усилился сын пастуха!

– Если бы и дал император немного войска, и все мы присоединились к нему, то все-таки всех нас будет слишком мало, чтобы начать борьбу против всей черни, которых целые тысячи.

– Но подожди же, это еще не все! – прервал его Самко. –

На помощь нам придет Русь. Наши начальники все обдумали: были отправлены послы в Киев к Ярославу... к нам на помощь придут поляне из Киева и печенеги.

– Так же, как чехи, – хмуро улыбнулся Вшебор.

– Вовсе не так, – отвечал Дряя. – Твой глаз все видит в черном свете.

– А у вас – все светлое. Пропели первые петухи – тебе кажется, что день занимается, а это просто зарево пожара, – махнув рукой, сказал Долива.

Дряя чокнулся своим кубком с кубком Вшебора и промолвил:

– Выпей и будь повеселее.

– Если бы ты, как я, возвращался из Плоцка, – сказал Вшебор, – и если бы в ушах твоих стоял шум от криков этой своры, и видел бы ты весь этот муравейник, да послушал бы, как Маслав хвалится своей силой и своими союзниками, пруссаками и поморянами, пожалуй, и ты бы запечалился.

– Ну, пусть с ним будут пруссаки и поморяне, зато с нами – императорские и Ярославовы полки, – возразил Самко. – У него дерзость и высокомерие, а у нашего государя – корона, и будет он помазан на царство и благословлен, и Бог будет с ним!

Проговорив это, Дряя встал и обнял печального Доливу.

– Брат мой, – сказал он, – если бы была у меня сила, чтобы удержать тебя с нами, я бы в ноги тебе поклонился... останься с нами...

– И не говори мне об этом, – с нетерпением отвечал Вшебор, – я там оставил брата, – меня отправили, заставив поклясться, что я вернусь, хотя бы с опасностью для жизни.

Самко пристально взглянул ему в глаза, и Вшебор невольно зарумянился под этим взглядом.

– Вшебор, брат мой, кого ты там оставил кроме брата?

Долива, слегка рассерженный и пристыженный в то же время, отвернулся.

– Клянусь жизнью, что ты там больше оставил, чем брата. И отгадаю, кого, – говорил Дряя. – По дороге вы спасли Спыткову, она и сама недурная бабенка, а дочка у нее – красавица.

– Должно быть, покружили тебе голову либо черные, либо голубые глаза? Ну, говори же, да не лги...

Вшебор взглянул ему в лицо.

– С чего ты это выдумал?

– Я знаю обеих женщин или, вернее, видал их у отца, – сказал Дряя. – Спыткова рада, – хотя бы ради забавы, – вскружить голову мужчине, а Кася, хотя бы и не хотели того, тянет к себе всякого, потому что она чертовски хороша собой.

– Ах, хороша! – невольно вырвалось у Доливы, но он тотчас же спохватился и умолк.

Дряя, смеясь, снова принялся обнимать его.

– Я уж знал, что тебя туда тянет, – сказал он. – А так как я знаю обеих, то дам тебе совет. Марта Спыткова, хоть и любит

позубоскалить, – толку из этого не выйдет никакого. Она, может быть, считала себя вдовой. Теперь узнает, что ее старик жив, а с ним шутки плохи. Это крепкий человек, он вылечится от всех своих ран, хоть другой на его месте уже четыре раза бы умер... А что касается Каси, то хотя ваш род не хуже их рода, но до нее добраться нелегко. Надо знать старого Спытека!

– Да ведь это я же спас ему и жену, и дочь, – возразил Вшебор.

– Ну, он тебе скорее заплатит за это, когда будет чем, а дочки не даст.

Долива возмутился и оскорбился, уперев руку в бок, и сплюнул перед собою.

– Слушай, Дрыя, да чем же мы плохи? А они – чем лучше?

– Что Долива, что Тренява – все одинаковы, но у старого во лбу не ладно. Что ты тут поделаешь, – сказал Дрыя. – Он скорее засушит ее, держа взаперти дома, чем отдаст за кого-нибудь из нас. Для дочки он ищет князя, потому что они и себя причисляют к княжескому роду.

Вшебор пожал плечами.

– Далеко еще до этого, – сказал он, – дай нам Бог уйти оттуда целыми. А если Бог вызволит нас из беды, – ты ведь знаешь меня, Дрыя, – неужели я буду еще спрашивать старика да в ноги ему кланяться? Возьму девку, так он назад не отберет.

– Так она тебе пришлась по сердцу? – спросил Самко.

Вшебор засмотрелся на леса, которые были ему видны из открытой палатки, колебался в душе и не спешил с ответом, но после раздумья вместо ответа протянул руку Самко.

– Ну, делать мне у вас нечего! – сказал он. – И мне уж пора ехать в Ольшовское городище. Прощайте.

– Подите же сперва попрощаться со старшим. Таков обычай, и нельзя от него уклоняться, – сказал Самко, увлекая его за собой в другую палатку. – Но не упоминайте о том, что я говорил вам о Казимире.

Они пошли к той палатке, около которой сидел старый Трепка, окруженный знатнейшими рыцарями. Все молча расступились и пропустили их к вождю, дремавшему со склоненной головой подле Спытека, который устремил выжидательный взгляд на Вшебора.

Старик тотчас же проснулся и кивнул головой подошедшим.

Вшебор подошел к Спытеку.

– Я еду в Ольшовское городище, – сказал он, – где милостивая пани ваша и дочка нашли себе приют, потому что я отвез их туда, встретив в лесу... Что мне передать им от вас, милостивый пан?

Пока он говорил это, Спытек внимательно и недобро смотрел на него.

– Долива? – спросил он.

– Так точно.

– Ваш отец водил полки на Русь? – хриплым голосом про-

изнес старик.

– Да, водил и возвращался с добычей, – прибавил Вшебор.

– Бог да наградит вас за услугу, – сказал лежавший. – Поклонитесь от меня матери и Каске моей.

И прибавил с хмурым видом:

– Да пусть там никто к моим не пристаёт. А то беда!

– Только бы нам оттуда живыми уйти. Не до приставаний теперь! – сказал Долива.

– На это и в другое время нет разрешения, – пробурчал старик. – Ну, поклонитесь им от меня, поклонитесь?..

Вшебор почувствовал, что этим напоминанием об уходе он мог быть обязан только Собеку. И в душе возмутился, но сдержался и ничего не сказал. Тут старый Трепка, потрясая посохом, подозвал его к себе.

– Скажите от меня Белине, чтобы он держался, сколько может, до последней крошки хлеба, до последнего бойца!

– Как только у нас прибудет силы, мы сейчас же двинемся ему на помощь. Пусть не беспокоятся и не сдаются. Держитесь крепко, Бог милосерд!

Эго были последние слова Трепки. Едва он договорил их, как опустил голову и снова задремал...

У входа в палатку стоял Дрыя, за ним – знатнейшие рыцари, а в стороне Собек держал за узду коней.

Вшебору не терпелось скорее двинуться в путь, он быстро попрощался со всеми, сел на коня и, окруженный рыцарством, провожавшим его, поскакал вперед. Многие завидо-

вали ему в том, что он не будет, как они, сидеть на месте и выжидать, – этих людей, привыкших к движению, томило бездействие.

Хотя Доливе объяснили, почему эта горсточка рыцарей посчитала возможным идти на вырубку осажденным, и хотя он и сам понимал, что так и должно было случиться, однако сердце его было полно гнева, боли и досады при мысли о том, как малоутешительны будут вести, которые он принесет ожидающим его.

Собек, и вообще не отличавшийся разговорчивостью, теперь молчал, как убитый, и даже головы не поворачивал к своему спутнику, только ехал впереди и указывал дорогу.

Вшебор, подозревавший его в выбалтывании его сердечных тайн, также не выражал желания вступить с ним в разговор. И только под вечер, когда они остановились, чтобы передохнуть немного самим и дать отдых коням, он спросил его, скоро ли они доберутся до Ольшовского городища и где он его покинет.

– Я не покину вас, милостивый пан, – отвечал старик.

– Что же, надумали?

– Нет, – получил приказание от владыки; он – мой пан, его и воля, а я должен повиноваться. Завтра под вечер доберемся, Бог даст, до городища, хорошо, если бы вовремя успели!

– Да ведь не выберется же Маслав так скоро? – сказал Вшебор.

– Он-то нет, но чернь предупредит его, они ведь решили

обложить замок, чтобы оттуда не могли охотиться в лесу и запасаться пищей. Ну что, если между нами и замком стоит целое войско?

– Поедем на ночь и будем ехать до самого замка, даже если кони падут, только бы нам не опоздать!

Собек указал рукой вперед... И одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что ехать ночью не представлялось возможным.

В осеннем мраке хмурого неба даже на шаг перед собой не было ничего видно. На сером фоне выступали, странно переплетаясь между собой, откуда-то вдруг вырастая во мраке и снова в нем пропадая, засохшие ветви обнаженных деревьев. Кроме этой сетки над головами и кустарника, который надо было нащупывать руками, все тонуло в глубокой тьме. Самое мужественное сердце содрогнулось бы при этом виде, напомиавшем молчание агонии, когда глаза перестают видеть, а уши – слышать. Над этой пустыней распростерлась тишина смерти, родная сестрица страшной тьмы. Казалось иногда, что даже завывания дикого зверя были бы приятнее для слуха, чем эта могильная тишина, в них все же отражалась бы жизнь, опасность, борьба... В этом глухом мраке и безмолвии угасала надежда на грядущий свет, надежда на возвращение к жизни. Казалось, ничто уж не в силах было рассеять этого мрака навеки умерших, ничто не могло нарушить этой тишины.

Собек приложил ухо к влажной земле, чтобы увериться в

безопасности и в возможности развести огонь. Все было тихо, не слышно было даже шелеста ветвей, колеблемых легким ветерком. Ночь сокрыла ветры в своих недрах и не позволяла им гоняться по свету. Старый слуга медленно достал два куска сухого дерева, которые он всегда носил с собой, и начал тереть их один о другой.

VII

На Ольшовском городище жизнь текла под вечным страхом и вечной угрозой. Время шло черепашим шагом, бесконечные дни сменялись бессонными ночами. Иногда всем начинало казаться, что теперь земля вращалась как-то иначе, так что дни и ночи удвоились.

Леса вокруг замка однообразно шумели, нагоняя сон, свистели ветры, как бы стеная в неволе и смеясь над собственными стонами. Люди, лежа на земле, ворчали, проклинали судьбу, недовольные тем, кто давал им приют, жалуясь на голод и грозя кулаками. Из жалости старый Белина должен был быть строгим, из милосердия – жестоким.

Народ на первом дворе можно было сдерживать только угрозами. По ночам они сходились вместе и о чем-то сговаривались. Около амбаров и кладовых день и ночь стояла бдительная стража. Стоило только сторожам задремать, как пропадали овцы, исчезали кони, начинался падеж скота, и на другое утро от них не оставалось и следа, и только по испу-

ганным взглядам можно было догадаться, кто были виновники.

Со дня отъезда Вшебора почти каждый день кто-нибудь взбирался на возвышение за рогатками и высматривал, не возвращается ли он. Но в долине была страшная пустота. Иногда из леса выходил волк и с воем уходил обратно, выбегала серна, оглядывалась вокруг, испуганная производимым ею же шумом, убегала что есть духу назад в чащу леса; иногда же из леса появлялась как будто тень человека, подходила к замку, окидывала его взглядом, словно угрожая запертым в нем людям, но когда на валах показывались люди, грозила кулаком и исчезала.

Один день мало чем отличался от другого, их считали по несчастьям и бедам и говорили так:

– Это было в тот день, когда умер ребенок или тогда, когда тот-то с горя повесился на перекладине.

И было о чем вспоминать, потому что почти каждый день, когда досмотрщики обходили оба двора, они натыкались на печальные сцены: то это была мать, оплакивавшая своего новорожденного, семья, окружавшая труп умершего ночью старика, или же они находили следы насилия, а то и убийства, неизвестно кем совершенного под покровом ночи, В этой толпе, объята отчаянием, рождались во тьме ночной самые дикие желания и безумства. Привыкнув к деятельной жизни, не умея найти выхода из этого вынужденного безделья, люди метались, как звери, повинувшись разнузданной фан-

тазии. Только днем на этих бледных лицах можно было прочесть усталость и апатию, точно они становились полубезумными.

Иногда, пользуясь мраком, какой-нибудь несчастный, доведенный до отчаяния, срывался с места, бежал на вышку за рогатками и, обвязав себя веревкой, спускался с валов вниз, предпочитая там голодную смерть, чем это бездействие наверху.

Таким способом убежало уже несколько человек, это понудило Белину увеличить стражу и усилить бдительность: можно было опасаться, что беглецы проведут чернь и укажут ей наименее укрепленные места в замке, откуда легче всего было пробраться вовнутрь.

Он был опоясан с двух сторон рекой Ольшанкой и болотами, по которым она текла оттуда, пока река и болота не замерзли, доступ был затруднителен. С третьей и четвертой стороны городище было защищено только валами, на которые легко можно было взобраться. Народ, стоя на вышках над рогатками, бросал вниз бревна и камни или горящую смолу, но и эти материалы для обороны уменьшились в количестве.

Когда чернь отступила, часть этих предметов снова втащили в замок, но легко можно было предвидеть, что материала для защиты при следующем приступе не хватит и придется разобрать постройки. Ольшовское городище, окруженное валами, имело во внутреннем дворе обширные хозяйствен-

ные строения, амбары, сараи и конюшни, отделявшие первый двор от второго. На втором дворе находился замок владельца имения, амбары, кладовые и часть конюшен, в которых теперь жили вместе и люди, и звери. Большой дом, где спали вповалку прежние владыки, жупаны и шляхтичи, был окружен широкими открытыми стенами под крышей, опиравшимися на деревянные столбы.

Около этого главного строения сосредоточилась теперь вся жизнь. Простой народ устраивался как мог, на первом дворе, под открытым небом или под навесами, а все более именитые собирались днем или в сенях, окружавших замок, или в большой зале у камина. Здесь всегда был шум и теснота; спорили о том, что произошло, и старались понять, возможно ли было предотвратить все обрушившиеся на них беды. А так как ни у кого не было никакого дела, то весь день проходил в этих разговорах и спорах, которые иногда едва не доходили до драки. Но как только спорщики, поссорившись, хватались за дубинки или подскакивали друг к другу с кулаками, тотчас же появлялись старшины и разводили их по сторонам, браня и призывая к порядку.

Жена Белины, по имени Ганна, и дочка ее Здана, играли главную роль в своей женской половине, которая занимала всю верхнюю часть замка, включая сюда и два темных чулана.

Но и здесь трудно было добиться порядка. Старшие из женщин спорили из-за веретена, из-за пряжи, а иной раз из-

за какого-нибудь выражения в песне или просто из-за взгляда, младшие тоже ссорились потихоньку. Пани Ганне так же, как ее мужу на нижней половине, приходилось употреблять все свое влияние для водворения спокойствия, а если и оно оказывалось недостаточным, то на помощь вызывался старый Белина, и при одном его появлении все затихало.

Наибольшая ответственность за все лежала на самом хозяине, а как мы уже убедились из первого же его выступления, это был человек небыстрый на слова, умевший в случае необходимости быть суровым, но в душе – добрый. Однако эта доброта не переходила в мягкосердечие, потому что он знал, что если бы люди заметили это в нем, то тотчас же все пришло бы в беспорядок, а вместе с этим пришла бы и гибель для всех. Он был здесь хозяином над жизнью и смертью, и хотя охотно прислушивался к людским советам, но никому не позволял руководить собой.

Усердный и горячий христианин, помнивший лучшие времена, Белина был так угнетен несчастьями, выпавшими на долю родной страны, что если бы не вера в Провидение и не духовная поддержка отца Гедсона, то он, пожалуй, потерял бы надежду на спасение. Но все же, теряя понемногу веру в возможность избавления, он исполнял свой долг, не досыпая ночей и наблюдая за всем лично. Ложился спать не раздеваясь, а вставал чуть свет и, если уж очень утомлялся, то засыпал сидя; днем он обходил весь замок, осматривал все углы, разбираал все дела, присутствовал при раздаче пи-

щи и редко когда имел время, чтобы присесть днем и отдохнуть. А ночью просыпался от малейшего шороха, и если с первого двора до него долетал шум ссоры, тотчас же мальчик-слуга зажигал смоляной факел, и он шел смотреть, в чем дело. Почти всегда оказывалось необходимым наказать какого-нибудь зачинщика и посадить его в яму. Это создавало новых недовольных и опасных для него людей, но ведь без них нельзя было обойтись! Точно так же Белина требовал послушанья и от рыцарей и шляхтичей и никому не позволял противоречить себе. На то он был здесь хозяин, государь и вождь!

Как при Ганне правой ее рукой была дочка Здана, так отцу помогал во всем сын Томко. Его он посылал с приказа-ниями и ему же поручал водворять порядок. Юноше очень нравилась его служба, потому что благодаря ей он мог часто заглядывать на верхнюю женскую половину, где хозяйничала его мать.

Старая пани, в белой накидке на голове и в переднике, хлопотала весь день, наблюдая за слугами, приготавливавшими пищу, ухаживая за больными, за детьми и за домашними животными, которых уж немного осталось.

В большой горнице верхней половины так же, как внизу, в прежней столовой, собирались все обитательницы ее, чтобы взаимными беседами поддерживать в себе бодрость духа. Как только начинался день, служанки разводили огонь, варили пищу из оставшихся еще припасов, а затем расставляли

на лавках веретена. Каждая старалась захватить себе веретено, чтобы было чем занять руки и мысли. По мере того как нить вытягивалась, закручивалась и навивалась, мысли приходили в порядок и на сердце становилось спокойнее. Припоминался домашний очаг в тишине собственной усадьбы, в так еще недавнее, невозвратно ушедшее время.

Ганна Беликова, бедняжка, особенно огорчалась тем, что ее постоянно отрывали от пряжи и не позволяли вдоволь насладиться веретеном.

Со страхом шли теперь женщины в чулан, где были сложены мотки золотого льна. Что будет, когда они все выйдут? За пряжей, после обмена новостями о том, кто умер в эту ночь, а кто подрался, кого посадили в наказание в яму, кто захворал и кто выздоровел, чаще всего кто-нибудь запевал старую, с незапамятных времен сохранившуюся тоскливую песенку, иногда еще полуязыческую, так что ее решались петь только в том случае, если не было поблизости отца Гедеона, потому что ксендз строго запрещал такие песни: он знал, что в них таилась старая вера, которая на невинных крыльях песни влетала обратно в сердца обращенных.

Ее напевали вполголоса, потихоньку, но ведь песня заразительна: затянуть одну, тотчас же присоединяются и другие, а и те, что молчали, невольно повторяют слова про себя – так овладевает она сердцами!

Все парни и мужчины, кто помоложе, рвались хоть в щелочку заглянуть, чтобы увидеть эту горницу с сидевшими в

ней женщинами. Посредине ее был очаг, в котором всегда горел огонь и всегда что-нибудь варилось: либо еда, либо питье, либо какое-нибудь лекарство. На лавках и на земле, на разостланных козухах сидели женщины. Сидевшие на лавках занимались пряжей, другие – шитьем, некоторые играли с детьми. Были тут молодые и красивые, были пожилые, были и совсем старые и сморщенные. Одни сидели с распущенными косами, у других головы были повязаны белыми накидками и платками, а еще у некоторых – полотенцами.

Младшие из них всему предпочитали песни – целый день пели бы, как пташки, – потому что песни заменяли им речь. Старшие же любили поговорить о прошедших временах. А так как нельзя было не слушать, то только тогда, когда все, утомившись, начинали дремать, кто-нибудь, более смелый, вполголоса заводил песню. Поначалу слова вылетали почти как шепот, потом песня становилась все более громкой, смелой, живой и веселой, приставали и другие, и случалось, забывшись, начинали подпевать и старшие женщины. Кончалась одна песенка, сейчас же начиналась другая. Эти песни навевали только печаль, а болтовня баб часто доводила до того, что некоторые грозили друг другу веретенами. Но это делалось в отсутствие старой Ганны, которая умела поддерживать порядок, и часто, взяв за плечи спорщиц, насильно сажала их обратно на лавку. Всякое там случалось – не было недостатка и в смехе, хотя события не располагали к веселью, но и невозможно же было жить в вечной тревоге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.